

Вера Чиркова

Старый замок. Беглянка

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Лишь смертельная опасность могла заставить хозяйку модного салона бросить успешное дело в столице и загнанной дичью бежать в затерянный в глуши озерного края старый замок, купленный по бросовой цене. Но оказаться в безопасности ей не удастся и там — за время отсутствия хозяев заброшенное имение заняли очень подозрительные таинственные личности.

И снова Вельена стоит перед выбором: попытаться выжить рядом с ними или все-таки бежать? Разумеется, бежать. Бросить все и скакать в ночь, в непогоду куда подальше — жизнь и свобода дороже всего!

Вот только дадут ли ей далеко уйти те, для кого их тайны важнее желаний и планов дерзкой беглянки?

Вера Чиркова

Старый замок. Беглянка

© Чиркова В. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

— Вон он! Приехали! — Парнишка-проводник ткнул пальцем в сторону возвышающегося посреди озера каменистого островка и уставился на меня ожидающим взглядом.

— Мы же договорились — до самых стен, — сухо отрезала я, направляя коня к поросшей подсохшим пыреем довольно высокой песчаной насыпной дороге, соединяющей берег с местом, до которого добиралась почти полторы декады.

Последние три дня — в сопровождении этого нахального и болтливового недоросля, и за это время он намозолил мне глаза хуже овода. Я уже с удовольствием отправила бы его назад, да владелец придорожного трактира, сдавший отпрыска внаем, вместе с противным мальчишкой предоставил и выючную лошадку, без которой Кышу просто не под силу было увезти весь мой багаж. А взять меньше никак не получалось, и так отбирала лишь самое необходимое. Мне еще повезло, до того самого трактира мы добирались с попутным торговым обозом, и пока я тряслась в телеге, Кыш немного отдохнул.

Проводник злобно ругнулся себе под нос, но я сделала вид, будто ничего не расслышала, увлеченная изучением своего нового владения. Хотя это зрелище ожидаемо особой радости не доставило. Даже отсюда были видны редкие, осыпавшиеся зубцы полускрытой кустами ограды и провалившаяся крыша донжона, густо оплетенного какой-то вьющейся зеленью.

Впрочем, буйная растительность была пока единственным, чем мог бы похвалиться островок, но я справедливо подозревала, что это кажущееся достоинство замка Глоэн станет самым первым и самым непобедимым изъяном, едва мне придется браться за наведение порядка во дворе и в саду.

— Дальше не поеду! — категорично объявил парнишка, едва мы добрались до первых густых кустов, и на этот раз не поддался ни на какие уговоры и посулы.

Решительно спрыгнул с коня, привязал к своему седлу повод флегматичной кобылки и принялся отвязывать тюки с моим имуществом. День клонился к вечеру, и паршивец явно мечтал к ночи налегке добраться до места нашей последней ночевки — небольшой рыбацкой деревушки, каких много в этом озерном краю.

Пришлось смириться с его упорным нежеланием ехать дальше, слезать с Кыша и помогать. Едва получив расчет, парень вскочил на коня и торопливо помчался прочь, забыв даже сказать хоть пару слов на прощание.

— Храните его светлые боги, — хмуро глянула я вслед уводимой проводником кобылке, приказала Кышу лечь и принялась привязывать багаж к седлу.

Самой мне теперь придется идти пешком, и вряд ли этот путь покажется легким, хотя до ворот не более сотни шагов. Однако вовсе не по присыпанной песочком дорожке, а по зарослям крапивы, сныти и чертополоха, вымахавшим почти в человеческий рост.

— Кыш, тебе выпала честь первому ступить в наши владения, — невесело сообщила я животному и указала на кусты, — вперед!

Верный питомец покорно вломился в заросли сорняков, и мне пришлось, покрепче стянув завязки дорожной шляпы, продираться следом, мысленно заклиная мохнатого друга потерпеть и не метить тропу. Хотя и не в привычках Кыша уподобляться в этом вопросе обычным лошадям, зато он довольно мстителен. И едва заподозрив малейшую обиду или несправедливость, немедленно выразит свое недовольство. Таким способом, какой сочтет

подходящим случаем.

Ворота, собранные под кованые пластины из добротных плах мореного дуба, оказались целыми и даже накрепко запертыми, но меня это не огорчило. Рядом, вдоль каменной ограды, вилась еле заметная стежка, протоптанная невесть какими существами в зарослях лопухов и борщевика. Она-то и привела нас к узкому пролому в стене, на первый взгляд не очень подходящему для прохода лошади с грузом. Однако Кыш вовсе не был чистокровным представителем своего рода и потому обладал редчайшими способностями, позволяющими ему не только пробираться по кручам и узким тропкам с грациозностью газели, но и многое другое.

Вот и теперь он спокойно взобрался вслед за мной по обломкам стены к самой широкой части пролома, проследил желтовато-зеленым глазом, как осторожно его хозяйка проверяет тропу, и, обгоняя меня, в три огромных прыжка оказался во дворе.

Тут травы было меньше, и хотя она умудрялась пробиваться даже через щели плотно подогнанных плит песчаника, зато выросла чахлой и мелкой. Роскошные заросли сорняков рвались в основном из углов, куда осенние ветра из года в год наметали мусора и палой листвы.

Мы шествовали по двору неторопливо, как строгий капитан, принимающий под свое командование новую шхуну, попутно изучая все, на чем останавливался взор. Кыша в основном интересовали трава и росшие под окнами одичалые кусты смородины, так как ячмень, взятый на последнем постоялом дворе вместе с проводником, закончился еще вчера вечером, и другого взять было неоткуда. Впрочем, потомка дикого урга и горной пастушьей лошади это обстоятельство не особо беспокоило. В наследство от папаши ему достались всеядность и почти лисья добычливость. Ну а от матери — обманчиво кроткая внешность и выносливость.

Меня же больше беспокоило, в каком состоянии колодец, — ходить за водой на берег совершенно не хотелось. Еще я упорно искала взглядом дрова, о которых говорилось в описании, сделанном прежним владельцем. Хотя он вполне мог и приврать, ведь точно знал, что ни один дурак не станет тратить уйму сил и серебрушек, чтобы вернуться в Тагервелл и потребовать неустойку.

Разномастные хозяйственные строения, окружавшие двор со всех сторон, безмолвно свидетельствовали о прошлом процветании хозяев Глоэна, но я, не обращая на них внимания, упорно продвигалась к центральному дому, который стряпчий, продававший замок по доверенности, важно именовал дворцом. Но еще в тот момент, когда я бдительно изучала план замка, было предельно ясно, что никак не может претендовать на это громкое звание двухэтажный дом с двумя угловыми башенками по фасаду и донжоном, прилепленным с тыльной стороны. Зато вполне достоин стать моим новым жилищем, особенно если там и в самом деле есть двери, стекла и работают печи.

Добравшись до высокого парадного крыльца, я покопалась в карманах и извлекла почерневший от старости ключ, но торжественное открытие не состоялось. Кыш вдруг напрягся, зашипел вовсе не по-лошадиному и плавно, как кошка, скользнул вдоль стены к углу, за которым, как мне помнилось, был еще один, черный вход, ведущий на кухню и в помещения для прислуги.

Я двинулась за мохнатым другом, сразу позабыв про усталость и хозяйственные заботы, на ходу доставая из висевшего на плече чехла тонкий, как спица, дротик. Не очень надежное и не совсем женское оружие, но другого у меня, к сожалению, не было, если не считать

упакованного в один из тюков топорика да умений, отточенных в тренировочном зале Леброта.

Картина, представшая передо мной, едва мы заглянули за угол, насторожила и возмутила до глубины души неожиданным открытием. Судя по всему, в моем новом владении уже кто-то жил. Возле заднего крылечка сохли багры и весла, а на колышках, вбитых в трещины стены, висели сети. На усыпанных чешуей каменных ступеньках стояло деревянное корытце, накрытое рогожкой, и все это было пропитано ядреным рыбным духом. То ли уже солилась рыба, то ли потроха забыли выбросить. Но запах довольно свеж, значит, рыба поймана совсем недавно, не ранее вчерашнего дня. А судя по еще не просохшим веслам, неизвестный рыболов или рыболовы сейчас находятся в доме.

В моем доме.

Да и где им еще быть, расстроено вздохнула я, если солнце уже склонилось к заросшим лесом холмам на горизонте, а небо уверенно и неуклонно затягивает темной тучей? Все нормальные люди к этому времени стараются доделать дела и устроиться поуютнее с книгой в руках или заняться чем-нибудь интересным.

И мне тоже пора располагаться на ночлег, только теперь придется вначале решать, как поступить с незваными квартирантами. Вызвать нахальных гостей во двор и предложить убратся или войти с главного входа и попробовать выгнать их изнутри?

Как водится, у каждого плана имелся не один недостаток, и сейчас было бесполезно даже пытаться понять, какой путь окажется надежнее. Или ни о какой безопасности тут вообще не может быть и речи?

Но во всех случаях — не стоять же мне за углом до тех пор, пока рыбакам не приспичит прогуляться?

Мы с Кышем порядком устали и просто мечтали плотно перекусить и свалиться на собственную постель, где можно отоспаться за все прошедшие дни. Выходит, придется рискнуть... и, наверное, мне все-таки лучше войти через парадный вход, а не мяться у черного, подобно бедной родственнице.

Я даже руку уже положила на шею Кыша, намереваясь тихо развернуть его назад, как вдруг он уверенно шагнул в сторону заднего крыльца, и не сразу, но до меня все же дошло, какой довод стал главным в выборе питомца. Конечно же рыба, урги ее просто обожают и даже умеют ловить. Но никогда не откажутся обчистить чужие низки и бочонки с заломом.

— Кыш! — взмутилась я, едва осознав, в какое неприглядное положение поставит меня животное, если сейчас украдет чужое. — Нельзя! Назад!

Но он, словно ничего не слыша, упорно двигался вперед, и мне поневоле пришлось уступить. Ну не драться же с собственным конем на потеху наглým захватчикам?

Я сумела задержать его лишь возле нижней ступени крыльца и красноречиво показала кулак, отчетливо понимая, что самой мне медлить теперь нельзя. Возможно, кто-то как раз смотрит на нас через окно или еще откуда-нибудь, и эти минуты моего сомнения станут тем самым пресловутым первым впечатлением. Хотя и лезть напрямик к двери тоже было довольно безрассудно.

Оглядевшись по сторонам, я наткнулась взглядом на багор и поняла, что нашла самый лучший выход. Сдвинув на спину пенал с оружием, подхватила длинную жердину и несколько раз сильно ударила в дверь. Прислушалась и ударила еще пару раз. И когда совсем уже собралась стукнуть еще, дверь тихо, без скрипа и лязга засовов, отворилась. Я отступила на шаг и впиалась в захватчика изучающим взглядом, удобнее перехватывая багор. Хотя это

совсем не мое оружие, но для первого удара сойдет.

Незнакомец был выше среднего роста, крепок и жилист, насколько позволяла судить свободно болтающаяся на его плечах простая серая рубаха. Мускулистые руки, шея и босые ноги, выглядывающие из обтрепанных полотняных штанов, были загорелы почти до цвета чая. А вот обрамленное русыми волосами и более темной бородкой довольно молодое худощавое лицо оказалось намного светлее, стало быть, на рыбалку он ходит в шляпе.

— Ну чего тебе? — Недовольно хмурясь, захватчик пристально оглядел нас с Кышем, и его губы сложились в пренебрежительную ухмылку.

С этого мгновения он стал для меня врагом, и ни о каких мирных переговорах я больше даже не помышляла.

— Это мой замок, — сообщила я холодно и высокомерно и категорично заключила: — И постояльцев я не пускаю.

— А документы в порядке? — язвительно осведомился незнакомец, но трудно было не заметить мрачно сдвинувшиеся брови и не сделать верные выводы.

Он и сам знал, что ни одна молодая особа не решится на такой трудный путь ради того, чтобы занять не принадлежащее ей имение.

— Разумеется, — еще более ледяным тоном процедила я, и не думая лезть за купчей. — Поэтому убраться вам надлежит немедленно.

— Не очень-то благородный поступок — выгонять человека на ночь глядя, — едко усмехнулся он, но даже не сдвинулся с места.

— Гораздо благороднее на ночь глядя выгнать женщину из ее собственного дома, — немедля не менее ехидно парировала я, непримиримо глядя в лицо мужчины, и тут же ощутила острый укол досады, рассмотрев мелькнувшую на узких выразительных губах самодовольную усмешку.

Он обыграл меня, как селянку, обошел, не сделав ни малейшего усилия, с первого взгляда определив мой характер и воспитание. И мгновенно выстроил диалог таким образом, чтобы в три хода прийти к нужным результатам.

— Но я же вас не выгоняю, — с преувеличенным огорчением тяжело вздохнул наглец, — и готов компенсировать исключительно по неведению нанесенный вашему дому ущерб. В силу моих возможностей — рыбой и помощью с багажом. Если вы откроете парадный вход, то найдете на втором этаже довольно удобные комнаты. Я готов доставить туда ваши тюки. А завтра начну подыскивать себе новое место.

Ну разумеется, после этого мне ничего не оставалось, кроме как мрачно кивнуть и решительно дернуть Кыша за повод, тем самым показывая ему, что не стоит облизываться на чужую рыбу. Вот расплатятся с нами за постой — сама выдам другу его долю. Кыш возмущенно фыркнул, нехотя развернулся и тотчас отомстил нахальному захватчику чужой территории за недогадливость и негостеприимство, оставив возле крылечка духовитую кучку.

Пришлось сделать вид, будто я не заметила брезгливо сморщенного носа незваного постояльца и не нахожу ничего предосудительного в подобном деянии животного. Никому до сих пор не удалось приучить чистопородных лошадей ходить в песочек.

А о том, что Кыш к таким животным не относится, наглому захватчику чужих замков знать вовсе не обязательно.

Вернувшись к парадному крыльцу, я привязала Кыша к столбику перил и отправилась отпирать дверь. Замок открылся на удивление легко, видимо, последний владелец был

человеком заботливым. Непонятно только, почему продал Глоэн, прожив тут всего полгода. Стряпчий как-то вскользь упомянул, будто климат ему не подошел, и поспешил перевести разговор на другое, а я не стала настаивать. И сама прекрасно знала, если бы здесь все было так прекрасно, как расписывал посредник, проевший на таких делах зубы, то не видать бы мне Глоэна как своих ушей. В других местах за ту же цену предлагали от силы заброшенный постоялый двор.

Распахнув дверь, я с минуту стояла молча, внимательно оглядывая весьма просторное сумрачное помещение, которое горожане гордо называют прихожей, а селяне — сенями. По обе стороны этой комнаты имелись закрытые двери, а в центре начинались ступени ведущей на второй этаж довольно широкой деревянной лестницы. И по мере того как мой взгляд постепенно привыкал к сумраку, я осознавала все отчетливее, как сильно поспешила похвалить бывшего владельца. Если, покидая Глоэн полгода назад, он и удосужился смазать запоры, то смести пыль с пола и подоконников никак не мог. И значит, незванный квартирант живет тут уже не первый день, раз успел заняться уборкой помещений. Впрочем, он ведь ясно дал понять, насколько хорошо знаком с расположением комнат и даже успел изучить их и выбрать самые удобные. Следовательно, побывал здесь далеко не один раз, а не довольствовался только лишь кухней.

До этого момента я даже не задумывалась о том, стоит ли позволять самозваному постояльцу таскать в дом багаж. Но после сделанного мной маленького открытия вопрос решился сам собой.

Разумеется, нет.

Если следовать советам Леброта, то мне этого жулика и в дом пускать не следует, не то что доверять ему свои вещи. Незванный квартирант вполне может устроить неожиданно появившейся хозяйке, сломавшей все его планы, какую-нибудь пакость, ведь проследить за добровольным помощником мне просто не под силу. Для этого пришлось бы самое малое бегать за ним следом вверх-вниз.

Я уже ясно осознавала, что первым делом нужно пойти взглянуть, открыт ли отсюда проход на заднюю половину. И если да, то как можно скорее запереть его и парадную дверь. Ну а если замки окажутся слабоватыми, то и забаррикадировать чем-нибудь тяжелым. Затем обойти весь дом, проверить все окна и выходы в пристроенный к северной стене донжон и угловые башни.

Вот только после всего этого вряд ли у меня останутся силы доползти хотя бы до умывальни. Впрочем, зачем мне идти в умывальню, если там не может быть воды?

Стало быть, придется притвориться рассеянной неумехой из той непонятной мне породы девиц, которая без помощи служанки не может заплести собственные волосы и не знает, сколько времени варится яйцо. А потом положиться на собственные умения да слух потомка урга. Вдвоем с Кышем с одним наглецом мы как-нибудь справимся.

Внезапно снаружи донеслись яростная ругань рыбака и недовольное шипение полуурга, и я поспешила вернуться на крыльцо. Долго гадать, какие события тут произошли, мне не пришлось. По-видимому, очень не любивший стоять на привязи Кыш снова решил поступить по-своему. Перекусил повод и направился следом за мной, а подоспевший постоялец, судя по возмущенной морде животного, попытался его остановить. Ну и, само собой, получил еще один запашистый подарок, прямо на сапоги.

— Я сама занесу багаж, — притворно смутилась я. — Достаточно будет, если вы дадите мне рыбы.

Выждав, пока стиснувший от негодования зубы рыболов кое-как оботрет травой сапоги и, преувеличенно прямо держа спину, удалится за угол, я укоризненно взглянула на невозмутимо жующего обрывок поводка Кыша и пригрозила:

— Еще раз напачкаешь во дворе — привяжу на цепь и поставлю в стойло.

Отпрыск урга наклонил голову и попытался виновато лизнуть мою руку.

— Не пользуйся моей добротой! Кто теперь будет чистить нам перед крыльцом?

Кыш поднял на меня зеленые глаза, покосился на тучу, уже накрывшую бóльшую часть неба, и шумно, как лошадь, вздохнул. Мол, дождь помоеет, не понимаешь, что ли?

— Тащи теперь багаж сам, дверь тут широкая, — решила я воспользоваться его провинностью и легонько подтолкнула мохнатого жулика к входу.

Упрямитесь знавший свою вину Кыш не стал: протиснулся в проем и побрел вперед, принюхиваясь, как собака, взявшая след.

— Сама знаю, что он чувствовал себя здесь полным хозяином, — буркнула я мрачно и направила зверя к лестнице: — Наверх. Отрабатывай свою невоспитанность.

Кыш снова презрительно фыркнул, легко взбежал по лестнице до арки, ведущей в темный коридор второго этажа, и замер, всем своим видом давая понять, что отказывается идти дальше.

— И на том спасибо, — бурчала я, отвязывая мешки и сундучки и снимая упряжь, только с виду похожую на обычную. — А теперь иди погуляй, да не вздумай трогать чужую рыбу. Завтра своей наловим.

Потомок урга легко и почти бесшумно скользнул вниз, мохнатые лапы у него заканчивались не копытами, а жесткими подушечками, под которыми таились здоровенные когти. Обычно Кыш их прятал и ходил на подушечках, издали слегка походивших на копытца. Но при необходимости, желая полакомиться птичьими яйцами или перейти пропасть по бревну, выпускал когтищи и карабкался по скалам и стенам, словно огромный кот.

Темно-серая кисть хвоста махнула в проеме распахнутой двери и исчезла, а я взялась было за ручку сундука, постояла... и раздумала прямо сейчас тащить его в комнату. Дверь, ведущая из сеней в ту сторону, где были расположены кухня, столовая и комнаты для прислуги, влекла меня ароматом опасности и тайн.

Но прежде чем туда направиться, мне пришлось присесть прямо на ступени и стянуть сапоги, надоевшие почти до тошноты. Никогда раньше мне не приходилось столько дней подряд почти не снимая носить эту хоть и удобную в путешествии, но весьма непривычную обувь. По заведению, которое про себя я называла конторой, а для клиентов — салоном, удобнее всего было ходить в мягких вышитых туфельках на низком каблучке. Ну а на прогулку надевала ботиночки, фасон и высота которых менялись в зависимости от погоды и платья.

— А вот здесь придется ходить босиком, — сердито прошипела я, рассматривая покрасневшую, припухшую кожу на пятках.

Достав из багажа вязаные носки, в которых спала во время путешествия, я со вздохом облегчения торопливо натянула их на ноги и почти бегом помчалась вниз. И первым делом, добравшись до входной двери, задвинула внушительный кованый засов. А лишь после того, облегченно вздохнув, принялась за изучение своего нового дома.

В правую от входа, более широкую, двустворчатую дверь я заглянула лишь затем, чтобы убедиться — это большая парадная гостиная, весьма скудно обставленная обшарпанной старинной мебелью. В глубине комнаты виднелись еще двери, но выяснение, куда они ведут, я оставила на завтра. Сначала с невольным трепетом приоткрыла ведущую влево от входа дверь. За ней оказался довольно широкий коридор, вдоль которого виднелось несколько дверей. Первая, торцевая, вела в полутемную дворецкую, совмещенную с гардеробной, и входить в нее я не стала. Судя по пыли на столе и закрытых ставнях, этой комнатой незаконные квартиранты не пользовались. А вот следующая дверь, с широкими створками, наполовину застекленными старинным, мутноватым стеклом, предсказуемо оказалась столовой, и несколько секунд я стояла, прижавшись к ней ухом и пытаясь понять, не столкнусь ли с захватчиком, если попытаюсь ее открыть.

Хотя... а если даже и столкнусь, я ведь в своем собственном доме? И значит, имею полное право его осмотреть. Да и что может быть сильнее женского любопытства, не мне ли этого не знать?

Осторожно толкнув дверцу, я очутилась в просторной столовой, обставленной старинной мебелью по моде прошлого века. Посредине, под кованой люстрой, на одном рожке которой висел вполне современный масляный светильник, стоял длинный и широкий обеденный стол, окруженный редкой толпой явно собранных из других комнат стульев. А возле огромного и, несомненно, прожорливого камина в окружении столь же разномастных кресел приютился еще один столик, на этот раз овальный и невысокий. Едва разглядев эти тесно сдвинутые сиденья, несколько расставленных по столешнице тарелок и бокалов, а

главное — еще не засохшие остатки еды, я почувствовала, как по спине пополз ледяной сквознячок. Человек, живущий в одиночку, не может пить одновременно из четырех бокалов и есть четырьмя вилками. И значит, я в намного большей опасности, чем представляла еще пять минут назад.

Как вылетела из столовой, как домчалась до передней и трясущимися руками заперла дверь в коридор на огромный старинный засов, я не помнила. Немного пришла в себя лишь после того, как жарко поблагодарила строителей замка за модную в прежние времена предосторожность: запирать на ночь хозяйскую, чистую часть дома от той, где жили и работали кухарки и домашние слуги. Иначе мне прямо сейчас пришлось бы срочно решать, каким из немногих предметов, припасенных для защиты, стоит пожертвовать, чтобы пережить эту ночь.

Немного успокоившись, я пробежалась по первому этажу, проверяя запоры ставень и примыкающие к гостиной комнаты, дальняя из которых оказалась кабинетом, а ближняя, более просторная, по-видимому, когда-то служила библиотекой. Никаких книг в ней давно не было, лишь валялось на полках несколько проеденных мышами растрепанных ученических тетрадей да пара пыльных рукописей. Но я все же прошла вдоль стен, внимательно изучая деревянные панели. Лорд Глоэн, выстроивший когда-то этот дом, вполне мог именно отсюда устроить вход в потайные коридоры, хотя стряпчий клятвенно уверял, будто никаких ходов под замком нет.

Не найдя ничего подозрительного, я торопливо поднялась на второй этаж, проверила все комнаты и вскоре обнаружила те покои, о которых упомянул главарь обосновавшейся тут банды.

Видимо, раньше в них жили хозяева Глоэна, так как комнаты оказались просторнее других и размещались в центральной части, а кроме того, выходили окнами на насыпь, соединяющую остров с берегом. Покои состояли из двух помещений, первое — кабинет или гостиная, и спальня. Как я и подозревала, здесь было довольно чисто, на кровати лежали почти новые тюфяки и одеяла, а в углу нашлась невероятная роскошь для такого старого дома — дверка в небольшую умывальню.

Вот теперь я окончательно убедилась в правоте собственных подозрений. Вовсе не ютился главарь незваных гостей Глоэна в тесных комнатках для прислуги и, судя по виду из окна, вполне мог издали заметить наше появление. И раз успел унести отсюда свои вещи, значит, имел достаточно времени, чтобы заранее придумать, как вести себя с хозяйкой имения, свалившейся как снег на голову.

Мне отчетливо припомнилось, в каком виде этот интриган вышел навстречу, и язвительный смешок сам сорвался с губ. Вот уж кем-кем, но глупенькой, сластолюбивой девицей, пускающей слюни при виде загорелой мужской шеи, я никогда не была, несмотря на все совершенные за последние полгода промахи.

В последний раз осмотрев бесполезную умывальню, я едва не зарычала от ярости на саму себя за вопиющее невнимание. К стоящей на каменном постаменте старинной медной ванне были снизу подведены медные же трубы, заканчивающиеся новым краником, и на его блестящем носике медленно росла прозрачная капля. Посредник, продавший мне Глоэн, абсолютно ничего не знал про это удобство, иначе никогда бы о нем не забыл и не смолчал.

И вот это новшество резко меняло все мои прежние представления о незваных гостях.

Никто и никогда не привезет в расположенный в глуши заброшенный дом, где собирается прожить лишь одно лето, чтобы вдоволь насладиться рыбной ловлей и покоем,

дорогостоящие медные трубы. И прилагающийся к ним еще более ценный насос, работающий на магических камнях. Пару-тройку лун несколько здоровых мужчин вполне обошлись бы без купальни и насосов, достать десятков ведер воды из колодца — для них просто развлечение. Кроме того, летом можно купаться и в озере, вода здесь самая чистая в империи и даже имеет целебные свойства.

А поскольку захватчики начали проводить в покои воду и ставить котел для ее нагрева, то, скорее всего, надеются однажды завладеть этим замком. Вот теперь мне стало понятно, почему так быстро сбежал прежний владелец и отчего все падает цена Глоэна. И становится зловещим осторожное предупреждение стряпчего о том, что я потеряю не менее пятой части стоимости замка, если решусь его продавать, не прожив тут хотя бы десять лет.

На несколько минут я застыла у окна, глядя невидящим взглядом на гаснущие в потемневшем предгрозовом небе отсветы заката и пытаюсь решить неожиданно ставший самым насущным вопрос — как поступить?

Остаться и начать борьбу с подлой бандой или собраться и уехать? Денег, отложенных на жизнь, мне хватит, чтобы купить в захолустном городке неказистый домишко, но ради того, чтобы прокормить себя и Кыша, придется искать работу. А это очень непростая задача, если не имеешь рекомендательных писем или знакомых. Работать же прачкой или простой служанкой нет никакого желания. И вовсе не из-за боязни испачкаться, как раз грязной работы мои руки не боятся.

Просто, едва устроившись на такую работу, я мгновенно стану для всех окружающих человеком второго сорта. Никто не станет считаться с моим мнением, никто не будет церемониться в выражениях, а наглые прыщеватые отпрыски хозяев непременно начнут зажимать в темных уголках или щипать за мягкие места. И зачем мне тогда Глоэн, купленный лишь ради того, чтобы лет через пять я могла появиться в столичном обществе хоть и небогатой, но знатной наследницей старинного рода? Ведь стряпчий сразу предупредил о главном условии — простолюдинам этот замок не продается, и мне пришлось показать ему собственные документы, не видевшие свет почти десять лет. С тех самых пор, как, став в одночасье бездомной и нищей, я оказалась на пороге широко известного салона Луизьены Бенро «Женские тайны» с зажатой в кулачке серебряной цепочкой, одной из трех последних вещей, оставшихся у меня от прежней жизни.

— Я могла бы дать тебе за эту подвеску пару советов, — подумав, сообщила строгая, сухоощавая старушка с роскошной голубовато-серебряной прической, — но не вижу в тебе достаточной наглости и смелости, чтобы им последовать. И потому поступлю иначе — возьму тебя писарем, зрение в последние годы начало сдавать, а большинство клиентов просят подробно записывать им мои наставления. Так уж устроены у них мозги, из всего сказанного помнят только те слова, какие им понравились, и словно не слышат остального. Но про свой титул тебе придется временно забыть, зато никто не осмелится тебя оскорблять и обижать, а если проявишь усидчивость и сообразительность, то обещаю научить тебя всем своим секретам.

Луизьена не обманула, она вообще никогда не лгала, хотя зачастую просто недоговаривала тех подробностей, о которых говорить было нельзя или абсолютно бесполезно. И когда через восемь лет, после настоящего совета своего целителя, старушка переехала на юг, то и на самом деле уступила мне свой салон за весьма условную плату.

«А меняхватило только на два года», — горько выдохнула я и тут же больно хлопнула

себя по губам. Заслуженное наказание за нарушение данного перед образом светлых богов обета — не вспоминать о совершенных ошибках и оплошностях. Жалобами и сетованиями ничего не вернешь и не изменишь, да и салон я продала очень выгодно, купив взамен вот этот самый несчастный замок.

Значит, нужно попытаться бороться за свою мечту, ведь как-то же прожил тут прежний хозяин целых полгода?

На маленькие квадратики заключенного в свинцовые переплеты толстого старинного стекла упали первые крупные капли дождя, и я невольно заторопилась. Кыш не любит спать в сыром месте, а поскольку сарай и конюшни мы пока осмотреть не успели, придется впустить его в переднюю. Я давно не опасалась, что упрямый смесок испачкает пол, такого он никогда себе не позволял, переняв от ургов почти кошачью чистоплотность в своем логове. А логовом считал любое место, которое подходило для ночлега.

Торопливо спустившись вниз, отодвинула засов, и тотчас мимо меня, наградив укоризненным взглядом, протиснулась мохнатая туша Кыша.

— Ну ты же сам виноват, — бросила я другу наставительно. — Гулял до самого дождя. Мог бы попроситься домой раньше.

И тут же поняла, как несправедливы эти упреки. Кыш старался при незнакомых людях не показывать своей принадлежности к немногочисленному семейству ургов, выведенных, по слухам, в давние времена одним из сумасшедших магистров заброшенных земель.

Зверь по-собачьи отряхнулся, мягко прошел в угол между дверью в кухонный коридор и лестницей и недовольно поскреб дубовый пол, намекая на обязанность хозяйки позаботиться о пучке соломы.

— Сейчас, — вздохнула я и побрела в гостиную, где видела порядком вытопанную коровью шкуру.

Соломы или просто травы попытаюсь раздобыть завтра, сегодня совсем не осталось сил. Кыш следил за моими действиями с любопытством и отошел от облюбованного места, лишь когда я вернулась, волоча за собой его будущую постель.

А едва шкура кое-как втиснулась в угол, бесцеремонно меня отодвинул и принялся устраиваться, больше походя в этот момент на огромную сороку, чем на коня.

— Кыш, — подозрительно осведомилась я, только теперь учуяв знакомый запах, — а где это ты успел разжиться рыбкой?

Сообразительный зверь этого вопроса словно не услышал, потоптался на своей подстилке и лег, свернувшись в клубок и положив довольную морду на вытянутые лапы.

— Учти, будешь сидеть на цепи, — пригрозила я, точно зная, что никогда не позволю себе так поступить с единственным преданным существом.

Тем более теперь, когда нам угрожает серьезная опасность и, возможно, только от скорости Кыша будет зависеть моя жизнь. Вот только говорить об этом вслух не стоит. Хотя я пока и не заметила слуховых трубок, с помощью которых лорды Глоэна вызывали к себе в покои слуг, это вовсе не значит, что этого несомненно полезного приспособления здесь нет. Ну а про возможность с их помощью незаметно подслушивать чужие разговоры известно всем.

Глянув на невинно-простодушную морду Кыша, я спрятала непроизвольную улыбку и побрела к лестнице, мечтая только об одном: упасть на постель и не думать ни о чем хотя бы до завтрашнего утра.

Стук в дверь, неподалеку от которой устроился Кыш, ударил мне, казалось, прямо в

спину, и я нехотя остановилась, надеясь, что у наглого квартиранта хватит деликатности постучать пару раз и уйти. Но он стучал и стучал, все громче и громче, и невольно пришлось вернуться.

— Кто там? — выкрикнула с недовольством, как только стук на мгновение прекратился.

— Ваш квартирант, леди Глоэн, — сообщил стоящий за дверью незнакомец и с еле заметной насмешкой добавил: — Танрод Хаглен, можно просто Род.

— Чего вы хотите, лорд Хаглен? — утомленно осведомилась я и презрительно скривилась.

Никогда раньше мне не доводилось слышать этого имени, и значит, оно либо вымышленное, либо недостаточно знатное.

— Я принес вам рыбу, пожарил свежей. — Вот теперь он явно смеялся. — Вяленая, к сожалению, пропала.

— Мне очень жаль, — я погрозила кулаком наострившему уши Кышу и притворно зевнула, — но я уже почти уснула, когда вы начали стучать, и теперь мечтаю только досмотреть сон.

— Еще мне хотелось бы обсудить одно выяснившееся обстоятельство, — продолжал настаивать нахальный квартирант. — Я получил письмо из Тагервелла.

— И это обсуждение никак не подождет до утра? — Снова нарочито зевнув, я поспешно выпустила рубашку из-под ремня и взлохматила волосы.

Нужно выглядеть правдоподобно, если все же придется открыть двери.

— Если мой человек в столице не получит срочного ответа, то начнет действовать, — с суровостью судьи, знавшего обо мне нечто невероятно предосудительное, заявил Танрод.

— Ну и пусть начинает, — вмиг раздумав открывать дверь, обозлилась я и процедила ледяным голосом: — Спокойной ночи. Надеюсь, завтра вас не будет в моем замке.

И решительно направилась прочь.

Поднимаясь по лестнице, я ожидала очередного удара в дверь, предсказуемо рассчитывая на продолжение разговора. Мне давно очень хорошо известно об упорстве мужчин и нелюбви к необходимости оставлять на потом нерешенные проблемы.

Однако самозванный квартирант стучать больше не стал, и это можно понимать как угодно, но мне и в самом деле сейчас не до него. Дождь всегда нагонял на меня непреодолимую сонливость, и иногда я даже отменяла в такую погоду важные встречи с клиентами. Да и к тому же не знала за собой ни одной серьезной провинности, за какую бы императорские дознаватели, а только они имели право допрашивать титулованных особ, могли призвать Вельену ле Морнье к ответу. Да и несерьезной, кстати, тоже.

И за это огромное спасибо мудрой Луизьене, десять лет назад твердо заявившей пятнадцатилетней ученице, что зваться своим родным именем ей не стоит ни в коем случае. Мало ли как повернется в будущем судьба, и чтобы не пришлось однажды кусать локти, лучше всего бедной сиротке графине Вельене ле Морнье пожить в одном из закрытых монастырей.

— А если меня станут искать? — задала я тогда справедливый вопрос и получила в ответ насмешливый взгляд выцветших карих глаз:

— Выяснится, что ты сбежала. Вот только позавчера. А о том, как поступить дальше, будем думать, если такое случится. А пока я подберу тебе изящное имя и неброскую внешность, и не вздумай кому-нибудь показаться ненапудренной или проболтаться. Как только я об этом узнаю, наш договор будет расторгнут.

Белобрысая, кудрявенькая и довольно невзрачная Эвелина Бенро прожила в «Женских тайнах» почти десять лет, и все клиенты были уверены, что это моя настоящая внешность. Луизьена, довольно быстро убедившаяся в честности и сообразительности новой помощницы, а также в правильности своего выбора, через несколько месяцев по всем правилам удочерила «троюродную племянницу», и никому в голову не пришло проверить, есть ли у нее документы, подтверждающие это родство.

Природное обаяние мадам Луизы, подкрепленное тугим кошельком, как я убедилась за эти годы, всегда неотразимо действовало на любых чиновников.

Тем временем воспитанница Вельена ле Морнье с отличием окончила обучение в приюте для знатных сирот при монастыре Святой Матери, расположенном в старинной неприступной крепости Дебруин. Уехала юная послушница оттуда почти четыре года назад по приглашению одинокой знатной дамы, пожелавшей остаться неизвестной.

В спальне я зажгла масляный светильник, еще раз проверила ставни и легла спать, во всю ширь распахнув двери в коридор. Слух и нюх у Кыша в десятки раз тоньше человеческого, поэтому он никогда не пропустит хоть малейший скрип или чужой запах. И можно не сомневаться, примчится быстрее ветра, если заподозрит, что хозяйку обижают.

Припомнив, как достался мне такой редкий зверь, я не удержалась от довольной улыбки, ведь денег, чтобы заплатить за него полную стоимость, у меня тогда еще не было.

Это случилось пять лет назад в предгорном поместье одного из клиентов Луизьены, богатого господина Н., занимающегося разведением племенных лошадей и редких животных.

Мало кто знал, что кроме полезных советов, наставлений по ведению домашнего хозяйства, обучения дам умению недорого и модно одеваться и экономно тратить деньги мужа, Луизьена занималась и соглядатайством. Разумеется, эта услуга оказывалась лишь проверенным клиентам, тайно и очень недешево. Вот и в тот раз, обиженный неожиданной холодностью жены, господин Н. пожелал узнать, не завела ли его супруга тайного воздыхателя, и ради его спокойствия мне пришлось ехать к ним в поместье, якобы с целью присмотреть домашнего питомца для несуществующей клиентки.

Впрочем, обычно никто не удивлялся таким прихотям клиентов салона, Луизьена умела с самым важным и загадочным видом по секрету сообщать, что у нее инкогнито просит советов даже «Сама!», ну вы же понимаете кто?

В первый же день, отрабатывая легенду, я отправилась прогуляться вдоль вольеров и возле одного из них, не выдержав умильно-просящего взгляда маленького, со среднюю собаку, мохнатого жеребенка, просунула ему сквозь решетку выуженный из сумочки сладкий сухарик. Лакомство с неожиданной скоростью и хрустом исчезло в пасти животного, и, не удержавшись, я дала еще сухарь, потом еще. А когда обнаружила, что сухарики исчезли, в шутку достала из сумочки прихваченную для себя в дорогу недоеденную плитку шоколада. В зеленых с золотинкой глазках зажегся жаркий интерес, заставив меня заподозрить, что кормлю я вовсе не чистокровного жеребенка, но прятать в сумку сладость под этим жаждающим взглядом не хватило решимости.

Первые кусочки зверь пробовал осторожно, но следующие хватал на лету — совать сквозь решетку пальцы я побоялась. Вскоре угощение закончилось, и мне пришлось двинуться дальше, но неожиданно вслед понеслось громкое и обиженное «у-у-у-у!».

Пришлось признать, что я нечаянно обрела симпатию малыша, но ни денег на милое животное, ни места, где его можно содержать, у меня не было. Огорченно сжав губы, я уходила все дальше, когда вдруг кто-то довольно сильно пнул под коленку. Едва удержавшись на ногах, я оглянулась и остолбенела, обнаружив рядом с собой прикормленного зверя, пытающегося ухватить зубами мою нарядную сумочку.

— Кыш! — поднимая сумку повыше, строго прикрикнула я. — Кыш! Кыш!!!

Но малыш оказался очень упрямым, и расстались мы только после того, как прибежал расстроенный конюх и, надев на жеребенка ошейник с намордником, насильно утащил его прочь. Но несмолкаемое жалобное «у-у-у-у!» провожало меня до самого дома, и поздней ночью, мучаясь раскаянием, я несколько раз приоткрывала окно, чтобы неизменно слышать непрекращающийся, по-волчьи тягучий горестный вой.

К вечеру второго дня хозяин поместья не выдержал, вызвал меня в кабинет и мрачно

предложил забрать животное в уплату за услуги. Вот тогда и выяснилось, что кормят полукровок ургов любыми объедками, по преданности хозяевам они не уступают собакам, а по чистоплотности — кошкам, и через год зверя можно будет начинать приучать к седлу.

Я везла в столицу Кыша, на другие имена полуург отзываться не пожелал, в коляске, прикрытого пледом, и время от времени давала слизать с ладони кусочек шоколадки, мечтая только об одном — чтобы Луизьена не выставила моего питомца из дома. К тому моменту я уже точно знала: если не удастся уговорить хозяйку салона, то уходить нам придется вдвоем.

К счастью, хитроумная и многоопытная Луизьена была весьма проницательной особой и сразу все поняла. И сообщила кратко, но твердо, что в дом лошадь не пустит никогда. Однако в пустующей конюшне можно устроить для Кыша теплое местечко, и умеющая держать язык за зубами кухарка сегодня же получит приказ собирать для него объедки. Но кормить своего зверя и ухаживать за ним мисс Эвелине придется самой, и никто не должен заподозрить, кого она завела.

С тех пор мне пришлось вставать до рассвета и несколько раз в день бегать в конюшню, стараясь не оставлять питомца в одиночестве надолго. Хотя первым делом я отучила его выть. Едва Кыш пытался вытребовать лакомство упорным воем, ему доставались на обед только овес и овощные очистки, а я сразу становилась глухой и строгой, а уходя, забывала почесать его за ушком. Зато потом, когда стало можно на нем кататься, я старалась почаще находить повод вырваться за город. Уезжала в рощу или к реке, выбирала пустынное местечко и душой отдыхала от упрямых, непонятливых и амбициозных клиенток, от притворной и приторной вежливости и необходимости говорить вовсе не то, о чем думаешь.

Потому-то, когда интуиция и здравый смысл настоятельно посоветовали мне на некоторое время исчезнуть из столицы, я выбирала для себя место, где смогу жить, позволяя Кышу гулять свободно, не опасаясь за его здоровье. Ну и, разумеется, не оглядываясь на чужие взоры и суждения и понемногу готовясь вернуться в прежнюю, знакомую и привычную, жизнь, из которой судьба выбросила меня так грубо.

Тихий рык почему-то оказавшегося в моей спальне Кыша раздался в самый глухой предрассветный час, но я и не подумала сердиться на верного зверя. Знала совершенно точно — по пустякам он никогда бы не стал так рычать. Мигом вскочив с постели, натянула на ноги носки, набросила поверх темной мужской пижамы вязаную шаль и, ежась от утреннего холодка, побрела вслед за устремившимся прочь зверем. Однако Кыш почему-то повел меня не вниз, а к двери одной из спален, выходящей окнами на задний двор, и открывала ее я очень осторожно. Но небольшая спальенка оказалась пустой, и я тотчас вспомнила, что как раз в этой комнате разбито одно стекло и через маленький квадратик можно рассмотреть крылечко черного входа.

Отставив в сторону светильник, я немедленно на цыпочках пробралась к окну и осторожно открутила барашек ставень. Затем, почти не дыша, опасаясь скрипом привлечь внимание, осторожно распахнула створку, по обычаю этих мест открывающуюся внутрь.

Начавшая светлеть ночь плеснулась в комнату струей прохладного воздуха, неожиданно для меня разбавленного запахом дыма и приглушенными мужскими голосами. Я вмиг прикрыла дыру шалью и приникла к ней, стараясь рассмотреть происходящее сквозь небольшую щель.

Освещенное светом, падающим из распахнутой двери, крыльцо сверху было видно не полностью, зато стоящую возле него нагруженную тюками лошадь удалось рассмотреть

превосходно.

— Неужели они так быстро нашли себе новое место? — недоверчиво сопела я, вглядываясь в двух плечистых мужчин, торопливо вышедших на крыльцо, и тут же поняла, как рано начала радоваться.

Незванные квартиранты быстро и ловко сняли со спины животного по тюку и поспешно утащили их в дом. Через пару минут вернулись, забрали остальной багаж, и из темноты тотчас появился еще один незнакомец, ведущий в поводу лошадь с всадником на спине. За короткие мгновения, пока приехавший слезал с лошади, я успела его рассмотреть и сравнить с уже виденными мужчинами. Этот был ниже остальных, худощавого телосложения и больше походил на подростка или переодетую женщину. Его спутник немедленно увел куда-то лошадей, а парень устало поднялся по ступеням, утверждая меня в печальном выводе — число незванных квартирантов в моем замке не уменьшается, а, наоборот, прибывает. Значит, очень правильно я поступила вчера вечером, не открыв дверь господину Танроду Хаглену, еще неизвестно, какие планы он вынашивал на мой счет.

Да и поскольку имя это вряд ли настоящее, верить ему нельзя ни в коем случае. Человек, солгавший один раз, непременно солжет и второй. А он вчера и солгал: обещал подыскать себе другое место, но вместо этого ночью привез сюда новых приятелей, которых теперь правильнее будет называть бандитами. Хотя бы до тех пор, пока они не сумеют доказать неверность этого звания, в возможность чего мне абсолютно не верилось.

Впрочем, какое это имеет значение, если передо мной сейчас стоит самый главный вопрос — как теперь тут жить и нужно ли вообще здесь оставаться? Может быть, пора уже бросать так тщательно подобранные вещи и прямо сейчас бежать куда глаза глядят?!

Как бы то ни было, вначале все-таки необходимо умыться и переодеться, не бежать же в пижаме? И хоть немного перекусить, вечером мне едва хватило сил сжевать немного вяленого мяса с куском хлеба, купленного у рыбаков. Кыша тоже нужно перед дорогой накормить, но прежде отпустить погулять. Если он и в самом деле сожрал вчера соленую рыбу, то сейчас наверняка мучается жаждой, а в узкую дверцу, ведущую в умывальню, определенно не пролезет. Ну а распаковывать тюки и искать для него миску нет ни времени, ни смысла.

Первым делом я торопливо, как солдат по тревоге, привела себя в порядок, и Кыш, спустившийся в прихожую, терпеливо ждал, красноречиво поглядывая на дверь. Но не рычал и никаких признаков беспокойства не проявлял, значит, никого из чужаков рядом не было, потому-то я так бесстрашно отперла и приоткрыла входную дверь.

И тут же сообразила, как сильно недооценила изобретательность бандитов. Едва створка сдвинулась, где-то неподалеку раздался грохот падающих кастрюль и ведер, и новоявленная леди Глоэн мысленно едко сообщила себе, как нужно называть такую наивность. Ведь сама отлично знала и не раз использовала этот простой сигнал, используемый в тех случаях, когда не нужно таить свои намерения от объекта слежки.

Я потянула ручку назад, но Кыш, уже почуявший свободу, нахально меня оттеснил и, одним прыжком преодолев крыльцо, вмиг скрылся в рассветном тумане. Я поспешила захлопнуть за ним дверь и задвинуть засов, прекрасно понимая, насколько ненадежна эта защита. И как непросто теперь будет сбежать из дома, который должен был стать для меня мирным причалом, где невзрачная простолюдинка превратится в утонченную знатную даму. А стал смертельной ловушкой, выхода из которой мне больше не видится.

Снаружи в дверь вежливо постучали, и сразу же раздался знакомый голос вчерашнего

рыбака.

— Леди Глоэн! — мягко и с еле заметной укоризной позвал он. — Я знаю, что вы здесь. Откройте, пожалуйста, нам нужно поговорить.

— Мне — не нужно, — непримиримо отозвалась я, торопливо шагнув в сторону, под прикрытие каменной стены.

— Именно вам и нужнее всего, — терпеливо сообщил он, — иначе вы напридумываете себе каких-нибудь глупостей.

— Значит, я дурочка, — согласилась я с притворной невозмутимостью, доставая из ножен узкий, как шило, стилет.

Сунула его в рукав так, чтобы можно было вытряхнуть одним движением, и подавила огорченный вздох. Если придется бросать любимое оружие, оно, скорее всего, будет потеряно навсегда, а все сидящие на черной половине бандиты начнут за мной жесточайшую охоту.

— Всего на несколько слов, я хочу показать вам один предмет, — продолжал настаивать бандит, но я лишь презрительно усмехнулась.

Жизнь давно отучила меня верить людям с первой встречи. Да и после второй и третьей — тоже, особенно мужчинам. Как выяснилось, большинство представителей сильного пола намного лживее и коварнее женщин, хотя обычно рьяно обвиняют в этих пороках именно своих подруг и невест.

«Так всяк ведь по себе судит, — пожимала обычно плечами Луизьена. — Так уж повелось — воры, лжецы и подлецы не верят в существование честных и добрых людей. Ну а глупцы считают себя умнее других».

— Не нужны мне ваши предметы, — отказалось я и нехотя солгала: — Я еще сплю.

— А обманывать некрасиво, — наставительно заметил Хаглен. — Спящие люди не открывают дверей, а вы открыли, я нарочно сделал сторожку. И раз вы уже проснулись, будьте так добры, уделите мне минутку внимания.

— Вы уже несколько минут рветесь в мой дом, хотя и так заняли без разрешения почти половину, — немедленно огрызнулась я. На дух не переношу поучения незнакомых людей. — И за это время могли бы уже раз пять сообщить, почему мешаете мне отдохнуть с дороги.

— Леди Глоэн, — с легким раздражением процедил квартирант, — я тоже устал и не менее вашего хочу отдохнуть. И никогда не стал бы вас тревожить, если бы не подозревал, как неверно вы можете истолковать некоторые вещи. Видите ли, я нахожусь тут не в одиночку. Мне было точно известно, что этот замок пустует не первый год, и мы с друзьями намеревались пожить здесь некоторое время, отдохнуть, половить рыбу. Даже воду провели от колодца с помощью магического насоса. И как раз сегодня приехало еще двое моих друзей. Они несколько дней в пути, устали, промокли и простыли, поэтому пока освободить ваши комнаты мы не сможем. Но предлагаем хорошо заплатить за постой и за молчание, некоторые из нас тут инкогнито.

— Сколько дней вы собираетесь здесь жить? — тотчас выпалила я, начиная сомневаться в первоначальных выводах.

Настоящим бандитам и контрабандистам несвойственно выражаться таким языком, и выдумывать такие причины — тоже. Хотя и этот явно не говорит всей правды: у знатных и богатых лордов хватает мест, где можно за небольшую плату отдохнуть со всеми удобствами.

— Если вы сдадите нам пустующие спальни на втором этаже, то до осени. Золото вы получите сразу, через гномий банк, больше, чем обошелся вам этот замок.

— Я и в самом деле настоящая дурочка, — холодно фыркнула я, — раз трачу время,

выслушивая ваши байки.

— Это не байки, — сердито огрызнулся Хаглен, — а деловое предложение. Судя по количеству вашего багажа и отсутствию слуг, лишними эти деньги для вас не будут, и значит, сейчас вы просто боитесь обмана. Но это можно легко разрешить, у меня есть почтовая шкатулка, и прямо сегодня, как только откроется гномий банк, я переведу деньги на ваше имя и отдам вам присланный отчет. Взамен вы подпишете договор. Решайтесь, а то тут ваш конь уже стоит у крыльца. Кстати, возле колодца бадья с водой, это как раз для лошадей.

Я не поверила ни единому слову, жизненный опыт давно убедил, что такие сказочно щедрые условия бывают лишь в ловушках, и клюют на них только жадные глупцы, готовые поверить в любую сказку, если у них над ухом позвенеть золотыми монетами.

Раз он так мечтал ловить свою рыбу именно здесь и знал, что Глоэн пустует, то мог бы его просто купить. И никакого значения не имеет условие продажи, в столице достаточно людей, не имеющих ничего, кроме титула. Имея такие деньги, он вполне мог приобрести этот остров на подставное лицо и точно так же потом продать, затратив гораздо меньше, зато имея право делать все, что ни пожелается, не оглядываясь ни на какого законного хозяина. А сейчас ничто не мешает этим аферистам просто прибить меня или захватить в плен, пока я буду читать якобы гномий отчет. Ведь никто меня не хватится, и никто не свяжет исчезновение с этими людьми, особенно после того, как они покинут Глоэн. Тем более если бандиты додумаются на некоторое время поселить тут под моим именем любую женщину.

Выходит, никакого выбора у меня нет, и единственное спасение — бежать. Бежать изо всех сил, так, как убегают от лесного пожара, не останавливаясь и не отдыхая. В том, что «рыбаки» устроят погоню, после их настойчивости я даже не сомневалась и теперь пыталась лишь сообразить, как бы вырвать у судьбы пару-тройку часов форы.

Замысел, как можно одурачить бандита, родился почти мгновенно, за десять лет работы на Луизьену мисс Эвелина Бенро научилась принимать решения не раздумывая, клиенты не верят медлительным и неуверенным. И едва план сложился окончательно, я начала действовать. Без предупреждения щелкнула засовом, стремительно отскочила к лестнице и громко крикнула:

— Входи.

Квартирант вошел в дом не сразу, немного посомневался, помедлил и наконец все же распахнул дверь. Недоверчиво огляделся, заметил стоящую на нижней ступеньке лестницы напряженную женскую фигурку и едко усмехнулся, рассмотрев, как я одета. Однако смолчал и шагнул внутрь, ожидая дальнейших указаний. Но я упорно молчала, и рыбак успел сделать в мою сторону несколько шагов, прежде чем что-то почувствовал и догадался оглянуться.

Мохнатый конь стоял у него за спиной, загоротив собой выход.

— Странная у вас лошадь, — успел сказать бандит, прежде чем Кыш, подчиняясь неслышному щелчку моих пальцев, прыгнул на него, сбил с ног и придавил к полу тяжелой лапой с прорезавшимися стальными когтями. — Вы... — прохрипел мужчина, пытаясь вытащить зажатую телом зверя руку, но Кыш, почувствовав сопротивление, придавил еще сильнее и свирепо оскалил вовсе не лошадиные клыки.

— Сейчас я вас освобожу, — пообещала я, поспешно убегая вверх. — Только не двигайтесь. И не злите его, иначе перекусит вам горло.

Разумеется, я солгала, такому Кыша никогда не обучали. Но вот защищать хозяйку его пришлось натаскать, после того как однажды на меня напали в портовом районе. Неизвестно, чего хотели трое довольно неприятных личностей, ограбить меня или

позабавиться и сдать в ближайший веселый дом. Выяснять детали у меня в тот момент не возникло никакого желания. Поэтому я просто швырнула негодяям под ноги алхимический флакончик с жидким огнем и стремительно помчалась к стоянке извозчиков, точно зная, что занятым тушением своих лохмотьев жуликам в ближайшие полчаса будет не до погони.

Собиралась я так проворно, словно дом уже горел. Утешало только одно — распаковать свои вещи мне вчера не хватило сил, и теперь можно не тратить на сборы драгоценные секунды.

Тот тюк, где были самые необходимые в дороге вещи, я выставила в коридор первым. Потом прихватила корзинку с остатками еды, саквояж с самым ценным и куртку — больше Кышу не унести, ведь убежать придется очень быстро. По крайней мере, до той деревни, где дороги расходятся в три стороны.

Сбежав вниз, обнаружила, что рыбак ведет себя очень смирно, только смотрит весьма красноречиво. С мрачным укором, усталостью и толикой презрения. В первый миг я рассмотрела во взгляде мужчины и каплю надежды, но она быстро угасла, едва он разглядел узлы в моих руках.

— Вы делаете ошибку.

— Не думаю. Но разговаривать об этом некогда. Сейчас я вас усыплю и уеду, и не смотрите так безнадежно, я не убийца и чужая жизнь для меня священна. Могу пообещать никому ничего о вас не рассказывать, если вы не станете меня искать.

Он приоткрыл губы, пытаясь возразить, и в этот миг я ловко выплеснула ему в рот приготовленное снотворное.

— Меня зелье не возьмет, — хмуро усмехнулся рыбак, облизывая пролившиеся капли. — На мне защита. Лучше давайте...

Больше ничего сказать он не сумел, обмяк и засопел ровно, как и положено человеку, спящему глубоким сном.

— Может, другое и не взяло бы, — пробурчала я, торопливо седлая Кыша, — а это моей тетушке привозили из Хамдира.

Через несколько минут мы с Кышем уже крались по двору к тому месту, где в стене был пролом, а чуть позже, умело преодолев это препятствие, мчались прочь от старого замка, куда еще вчера я так стремилась в надежде на спокойную жизнь.

Почти два часа, пока окончательно не рассвело, я неслась не останавливаясь. И лишь добравшись до лежащей в окружении трех крохотных озер обширной каменистой возвышенности, поросшей редким смешанным лесом, решила передохнуть.

Отъехав шагов на триста от тропы, остановилась в тени огромного валуна, расседлала Кыша и отпустила напиться и поохотиться. Здесь почти из-под каждого куста выскакивали зайцы и взлетали птичьи стайки, и полуургу с его ловкостью ничего не стоило поймать себе пищу. Немного оглядевшись, я сунула свои тюки в расщелину, под защиту густых зарослей боярышника, и направилась к берегу озерца, рассчитывая по дороге набрать малины или птичьих яиц. Если питаться совсем скудно, то оставшейся в корзинке еды хватит мне дня на три, и за это время мы вполне сможем добраться до деревни, где я нанимала мальчишку-проводника.

Но пока я мчалась в никуда из собственного, так давно желанного дома, постепенно пришло понимание, как непросто нам будет спрятаться от преследователей в этом пустынном краю. Намного труднее, чем в столице. Это там я была лишь песчинкой из многих тысяч таких же песчинок, и достаточно было сменить прическу или цвет волос и переодеть платье, чтобы стать невидимкой для самых ловких сыщиков. А тут мне неизбежно придется проезжать через малочисленные деревушки, покупать еду и ночевать у местных жителей, и все эти не избалованные новостями и развлечениями люди с невероятной дотошностью изучат нас с Кышем с головы до ног. И потом так же точно опишут, и что ела, и куда отправилась чересчур смелая дамочка. Если, разумеется, найдется желающий купить эти сведения, а он непременно появится, в этом я почему-то не сомневалась. Следовательно, придется объезжать деревни, и это во много раз легче сказать, чем сделать.

Сидя в обозной телеге по пути в Глоэн, я от нечего делать занималась изучением карты и расспросами словоохотливых попутчиков и выяснила, что вовсе не случайно дорога виляет, как убегающий от лисы заяц. Некоторые озерца просто невозможно объехать вокруг, попадешь либо на замшелые россыпи валунов, либо в коварно заросшее роскошной травкой болото.

И значит, сбежав с таким риском из замка, я пока всего лишь немного усложнила бандитам задачу. Но если они очень пожелают нас поймать, то вполне могут это сделать. Ведь если верить рыбаку, им зачем-то очень нужно сохранить свое пребывание в Глоэне в тайне, а если я буду гулять на свободе, то никакой уверенности в сохранности этой тайны у странных квартирантов не останется. И никто не примет во внимание честное слово, которое я давала Хаглену. Особенно если припомнят, что чуть ранее я пообещала его просто отпустить.

Таким образом, мне остается лишь надеяться, что запертый в прихожей рыбак проспит хотя бы часа три и у нас с Кышем пока еще есть в запасе немного времени. В противном случае по нашим следам уже скажут несколько сильных и хорошо вооруженных мужчин, и от одного лишь предположения, чем грозит встреча с ними Кышу и мне самой, начинали дрожать колени.

Плеснув в лицо воды, я тщательно ополоснула ладони, вдосталь напилась и неожиданно для самой себя горько всхлипнула от обиды. Ну вот откуда берутся люди, которым обязательно нужно влезть в чужой дом, в чужую жизнь и в чужие дела?

И почему я вынуждена снова, как воришка, бежать из собственного жилища, разом теряя все принадлежащее мне по праву, своим трудом заработанное и выстраданное? В чем провинилась перед судьбой, одним мановением могущественного пальца сокрушившей мечты, согревавшие мне душу в последние полторы луны.

Не такие уж нахальные или амбициозные, как у многих моих клиенток из «Женских тайн». Луизьена, помнится, даже завела книгу внушительных размеров, с обтянутыми сафьяном корочками, а на первой странице красиво вывела крупными буквами:

«Список знатных и богатых дам и девушек, желающих получить совет, как женить на себе принца».

А дальше — сто пятьдесят страниц, пестрящих известными и не очень именами, различными титулами и званиями. Но что занятнее всего, никто из клиенток не отказался от чести быть занесенной в этот нескончаемый список. Многие даже гордо заявляли Луизьене, что их имя станет тут последним, если, разумеется, советы будут надежными.

— Советы самые надежные, — уверенно улыбалась лукавая старушка. — Собраны из подлинных воспоминаний самых великих герцогинь и императриц, вышедших за принцев не по предварительному сговору и не ради политической выгоды. Можете проверить, все книги лежат в библиотеке.

Были и такие, кто проверял, мрачно усмехнулась я, припомнив знатных клиенток. И едва ли не впервые в жизни вдруг выясняли, что императрица Доленси и в самом деле очаровала наследного принца, будучи всего лишь простой помощницей лекаря. Но сначала вытащила его высочество по тайному ходу из осажденного замка и целую луну боролась с судьбой за его жизнь. А императрица Алексения, знавшая девять языков и служившая обычным толмачом, раскрыла заговор послов, намеревавшихся отравить императорскую семью, но женился на ней принц не только за это, Алексения к тому же была редкой красавицей.

А вот у меня никогда не было желания взять в семейный плен принца или герцога. Избави боги!

Насмотрелась на капризы знатных клиентов, пока была Эвелиной Бенро. Нет уж, пусть лучше они достанутся охотницам за высокими титулами.

Мне пока хотелось всего лишь хоть немного спокойно пожить в собственном доме, где никто не будет будить по утрам и варить на завтрак клейкую и серую, но полезную овсянку. Поэтому и дом я купила хоть и далеко не завидный, зато в такой глуши, куда даже бандиты не забираются. Даже не подозревая, что и тут найдутся какие-то подозрительные жулики. Хотя от себя не скроешь — был момент, когда мне очень хотелось поверить, что они и в самом деле просто рыболовы. И только много позже, уже проскакав с десятков миль, я наконец отчетливо поняла, почему все же не поверила. Обычный рыболов не стал бы хитрить и лукавить, а сразу сообщил бы про свои планы и друзей и попросился на постой.

Стало быть, правильно я поступила, и нечего жалеть о брошенных мешках и сундучках, жизнь и свобода дороже, сделала я вывод, вытерла слезы и торопливо направилась к спрятанным у валуна вещам. Долго отдыхать нам нельзя.

Кыш бродил где-то более получаса и вернулся довольный и благодушный, с чисто вымытой мордой. Видимо, охота была удачной, и можно будет не волноваться хотя бы о нем, вздохнула я облегченно и сразу принялась седлать мохнатого друга. Самой мне хватило десятка маленьких сыроежек и краюшки хлеба, плотно завтракать по утрам я не привыкла.

Привязав к седлу нехитрый багаж, я немного помедлила и решила оглядеть местность,

просто так, на всякий случай. Вскочила в седло, приказала полуургу встать возле валуна и, поднявшись на его спине во весь рост, перебралась на камень. Вверху его бока оказались шероховатыми и поросшими пятнами лишайника, зато самая макушка была почти плоской, и мне удалось встать там во весь рост. Через пару минут я рассмотрела кривую сосенку, мимо которой проехала, направляясь сюда, куртинку бузины за ней, стайку кривоватых вязов, стоящих почти у полузаросшей тропы. Некоторое время внимательно вглядывалась в том направлении, не понимая, почему так беспокойно на душе, но не желая отказываться от предупреждений собственной интуиции. Пусть и не всегда исполнялись ее намеки, но и нескольких случаев хватило, чтобы лишний раз не рисковать.

Однако вокруг было тихо и спокойно, и значит, нам можно продолжать путь. Видимо, на этот раз моя интуиция выдала ложную тревогу. Облегченно выдохнув, совсем уже собралась слезать с валуна, как мое внимание привлекли вьющиеся над тропой точки. Далеко не сразу пришло понимание, кто это там летает, на миг даже подумалось, что бабочки. Но я тут же едко посмеялась над собой: не бывает таких крупных бабочек, которых можно рассмотреть за триста шагов. Следовательно, это могут быть только птицы, здесь их просто немерено. Когда мы мчались по дороге, стайки прыскали почти из-под лап Кыша. Выходит, сюда кто-то едет, осознала я и вмиг шлепнулась на живот. Дорогу видно почти так же, зато саму меня теперь не смог бы заметить даже самый внимательный следопыт.

Птицы взлетали над тропой все ближе, и вскоре я отчетливо рассмотрела троих быстро скачущих всадников. Коротко блеснули на солнце заклепки и кольца упряжи, потом рукоятки висевших за спинами арбалетов. И это открытие ударило по мне оглушающим пониманием, чем грозит нам встреча с негодями. Рисковать они более не намерены и собираются расстрелять Кыша издали. А вполне возможно, и меня заодно. В этих местах достаточно привязать к телу камень и сбросить его в любое озеро. Никто и никогда тебя больше не найдет.

Вот теперь мне стало предельно ясно, как нужно поступить. Не стоит ехать в столицу, лучше всего пробираться на юг, к побережью, в любой портовый городок. Там я смогу выставить проклятый замок на продажу, оставив доверенность на имя матушки Мелисенты, моей бывшей наставницы из монастыря Святой Матери. Луизьена никогда не лгала там, где можно было просто попросить помощи друзей или заплатить. В моем случаегодились оба способа. Матушка Мелисанта была старинной и верной подружкой Луизьены, но и от пожертвований монастырю никогда не отказывалась. И записывая девицу Вельену ле Морнье в свои воспитанницы, потребовала только одного — чтобы мы лично привозили эти жертвования два раза в год и рассказывали ей обо всех изменениях в моей жизни. Особенно о здоровье и всяких, даже незначительных болячках, не говоря о шрамах и переломах. Попасться с поличным хитроумная монахиня не желала ни в коем случае.

Разумеется, в таком случае от продажи Глоэна монастырю достанется часть вырученной суммы, зато никто не сможет добраться до нас с Кышем.

Пробираться на юг я решила напрямик, по бездорожью, пока не наткнусь на какую-нибудь тропу, а там уже буду думать, как поступить дальше. И весь день я упорно выполняла это решение, обходя холмы и болотца, преодолевая каменистые пустоши и клочки леса. Любая лошадь уже свалилась бы от усталости или сломала ногу, а Кыш спокойно прыгал с камня на камень и переплывал озера и речушки, благо стояла середина лета и вода была теплая. Я давно ехала босиком, обувая мягкие ботиночки только перед зарослями колючих

кустов. Каждые два-три часа мы устраивали привал, и на третьем привале Кыш приволок к валуну, возле которого я сидела, увесистый хвост от крупной рыбыны, в одиночку слолав сначала все самое вкусное, на его взгляд.

— Молодец, — с чувством похвалила питомца.

Мечта научить мохнатого друга ловить рыбу не только для себя, но и для хозяйки родилась у меня еще в столице.

Сняв с пояса прицепленную на цепочку зажигалку, единственную магическую вещь, которую имела, я разожгла костерок и бережно повесила зажигалку на место. Маги в нашем мире очень редки, и потому сделанные ими предметы и зелья неимоверно дороги и доступны только самым богатым людям. Лично мне эту вещицу подарил один из клиентов за выполнение весьма деликатного поручения.

Вскоре над жарко горевшим костерком из собранных по дороге сухих веток и сучков шкворчала жирком нанизанная на палочку рыба, источая аромат на милую вокруг.

Кыш заинтересованно следил за процессом приготовления еды и, как обычно, получил свою долю, а на следующем привале притащил мне почти целую рыбину, выев только внутренности и голову.

— Умница, — от души похвалила я друга и почесала за ухом, точно зная — теперь чуткий зверь не забудет, за какой поступок получил одобрение.

Отныне угроза голода для меня не существовала, и значит, добираться до деревень я могла не спеша. Тем более что селения здесь, в самых болотистых и пустынных землях империи, встречались реже, чем в других областях, и поэтому местный народ был более нелюдим и недоверчив, а зачастую и слишком воинственен. Оттого всякие лекари, сказители, комедьянты и менестрели появлялись здесь нечасто, предпочитая путешествовать с обозами.

К вечеру я добралась до неизвестно какого по счету озерца и решила встать тут на ночлег, выбрав в стороне от тропы довольно высокий и раскидистый дуб. Отпустив Кыша, быстренько умылась, привязала к багажу веревку, сняла обувь и полезла наверх. Не самое любимое занятие, но Леброт, наставник по боевым искусствам, которого Луизьена наняла для меня после случая в порту, всегда говорил, что научиться метко бросать клинки — это только полдела. Мало кому удастся таким способом убить обидчика с первого удара, и до тех пор, пока не подействует намазанное на клинок зелье, лучше к нему не приближаться. Раненый в ярости может легко поймать и прибить свою жертву, поэтому каждый метатель обязательно должен уметь быстро бегать и лазать по заборах и деревьям.

Вскоре я уже растянула между двумя толстыми ветвями крепкую веревку, привязала к ней полотнище походного одноместного шатра и, замотавшись в одеяло, устроилась в своем сооружении, как в люльке. К этому времени почти стемнело, смолкли дневные птички, зато заухал где-то филин, мяукнул дикий кот и зашуршала под ночным ветерком густая листва, не пропускавшая света даже единой звездочки.

Укладываясь спать, я собиралась немного спокойно поразмыслить над свалившейся на меня новой бедой, но сама не заметила, как пригrelась и уснула.

Разбудили меня утренний прохладный ветерок и тихое похрапывание Кыша, устроившегося немного ниже. Несколько секунд я слушала его, недоумевая, как зверь оказался в моей спальне, потом приоткрыла глаз, рассмотрела нависающий надо мной шатер из листьев и ветвей и заторопилась. Солнце уже почти встало, и нам пора было бежать дальше. Возясь с затянувшимися узлами и багажом, я с огорчением признала способ ночевки

на деревьях не очень подходящим для девушек с обычными, как у меня, способностями. Возможно, мое мнение было бы иным, если бы тренироваться в лазании по стволам удавалось упорнее и чаще. Зато теперь стало предельно ясно: в следующий раз нужно постараться устроиться где-нибудь в кустах или в расщелине между камней.

Хотя Леброт, наоборот, очень рекомендовал залезать повыше, туда, где не достанут стайные хищники вроде волков, гиен и гигантских водных крыс.

К исходу дня выяснилось, что на этот раз мне не придется ни искать кусты, ни влезать на дерево. Оглядывая каменистый склон приземистого холма в поиске укрытия от начавшегося дождя, я совершенно случайно заметила прилепившуюся между огромными валунами замшелую кровлю шалаша.

Подъехав поближе и внимательно оглядев неказистое и неприметное сооружение, я решительно спешила и заставила Кыша проверить, нет ли там жильцов. Полуург обнюхал находку, огляделся вокруг и спокойно уставился мне в глаза, хотя я и сама уже видела по нетронутым зарослям сорняков, что пустует эта хижина довольно давно. Не менее года, а может, и больше.

Но прежде чем отодвинуть камень, подпиравший узкую и низкую дверь, связанную из толстых жердей, я все же достала оружие и приказала Кышу следить.

Однако внутри шалаша, довольно умело сложенного без раствора из камней и жердей, никаких признаков недавнего присутствия людей не оказалось. И хотя тут было весьма неприятно, зато сухо и намного теплее, чем под струями дождя. Я оглядывала разбросанные старые шкуры, дрова и остатки примитивной лежанки и понимала, что когда-то тут произошло нечто нехорошее. Всюду следы поспешного обыска или драки... сказать точнее я пока не могла. Да и не желала ни вникать в тайну произошедших здесь событий, ни наводить в хижине порядок. Вот только времени и сил, чтобы искать другое укрытие, к этому моменту у меня не оставалось. Да и дождь накрапывал все сильнее. Пришлось принять этот подарок судьбы и расседлать Кыша.

Пока я затаскивала в самый свободный уголок свое нехитрое имущество, мой мохнатый друг исчез в пелене дождя: похоже, такая полудикая жизнь нравилась ему все сильнее. С губ невольно сорвался огорченный вздох, лично я никогда не мечтала жить в шалаше и теперь с тоской вспоминала хоть и потрепанные временем и ветрами, но надежные стены своего нового дома и удобную кровать в спальне второго этажа.

Мысли невольно вернулись к преследователям, хотя я не забывала о них весь день, время от времени оглядываясь и всматриваясь вдаль в поиске коварной стайки птиц. Над нами с Кышем они сегодня тоже кружились, и я все чаще ехала не в обход встречных озер, а посылала зверя вплавь напрямик, надеясь таким простым способом немного успокоить пернатых предателей. Хотелось надеяться, что «рыбаки» не станут ломиться через эти дикие места так же упорно, как мы, и вскоре откажутся от своих намерений. Но какое-то неосознанное, почти интуитивное предположение, вертевшееся на краю сознания, никак не давало мне покоя, как ноющий от холода зуб. И как я ни старалась, однако так и не смогла понять, почему мне кажется, будто я упускаю нечто важное.

Пока я копалась в своих мыслях, привычные к работе руки уверенно наводили порядок в хижине, и вскоре она стала не такой уж неудобной, как казалось с первого взгляда. Дальний угол занимала лежанка, и когда я сложила на поперечины сорванные жерди, подбирая их вытертой стороной кверху, и укрыла шкурами, приставив одну к стене, для защиты от осыпавшегося с камня мусора, в случайном пристанище стало намного свободнее.

Переложив вещи на лежанку, взялась за дрова, чувствуя невольную признательность к запасливому хозяину хижины, еще час назад мне о горячем ужине и мечтать не приходилось. Смешно ведь искать сухие сучья под дождем.

Под завалом порубленных веток и чурбачков нашлась низкая шарообразная печь с пристроенной к боку валуна и выведенной куда-то наружу трубой. Примерно такие, только побольше, северяне и жители восточных степей строили в своих жилищах для обогрева и приготовления пищи. Пекли в них и хлеб, прямо на горячих камнях стенок или пода, но при воспоминании о запахе румяной корочки мне оставалось только облизнуться, муки у нас не было. Я вообще не везла с собой съестных припасов, потому и договорилась с отцом своего проводника, чтобы дней через десять прислал в Глоэн одного из тех торговцев, которые в поисках покупателей не боятся забираться в самые отдаленные поместья.

Закончив складывать дрова, взялась за найденную под ними обшарпанную метелку, смела к печи кору, обломки веток и прочий мелкий мусор, намереваясь все это сжечь. Однако в печи лежал довольно толстый слой золы, и, немного посомневавшись, все же решила ее выгрести. Общеизвестно — в нечищенных печах тяга хуже, особенно в дождь. Выбрала ветку крепче, с сучком на конце, и принялась за работу. И, как оказалось, правильно сделала: под печи был выложен плоскими камнями, на которых, после того как дрова прогорят, будет очень удобно испечь ломтики рыбы, оставшиеся у меня от последней добычи Кыша. Работа двигалась споро, и вскоре осталась только кучка золы возле дальней стенки. Ее вполне можно было и не трогать, но врожденная аккуратность и воспитанная Луизьеной привычка доводить все дела до конца не позволили мне отступить.

Перехватив свою самодельную кочергу поудобнее, я почти нырнула в печь, и всего за десяток энергичных движений угол был почти очищен. Уже в предчувствии окончания работы сделала последний скребок, как вдруг сучок задел за что-то и в следующую секунду со скрипом вывернул из-под золы очень странную вещицу. В тот же миг встревоженно заголосила моя интуиция, и я замерла, озаренная неожиданной догадкой. Значит, и в самом деле кто-то искал тут вот эту штучку, которую еще ранее хозяин хижины постарался очень хорошо спрятать.

Предмет, выуженный мной из золы, более всего был похож на продолговатый камушек, и если бы хозяин хижины догадался подсыпать в золу камней, я бы его просто выбросила. Но теперь подвинула к падавшему из распахнутой дверцы неяркому свету и поскребла сучком. Несомненно, металл, причем дешевый, чугун или железо, но не серебро и даже не медь. С одной стороны виднелась разделяющая округло-плоский предмет трещина. Это либо пенал, либо шкатулка. Интересно, что можно хранить в таком месте, рядом с жаром печи? Наверняка не металл, он вполне мог расплавиться.

Мне очень хотелось бросить золу с печкой и поковырять шкатулку, но снаружи быстро темнело, и в хижине становилось все прохладнее. Пришлось завернуть находку в платок, спрятать в сапожный кармашек и закончить работу. Вскоре в печи трещали дрова, освещая хижину яркими языками пламени, с краю стоял маленький медный котелок, в который я время от времени добавляла воды из стоящей под струями дождя кружки. Желание выпить горячего травяного чая стало почти навязчивым. В прошлую ночь я не решилась разжигать большой костер из опасения, что по нему меня найдут, а в такой дождь никакого дыма не видно на расстоянии даже полусотни шагов. Хоть в чем-то мне повезло.

Котелок запарил вскипевшей водой, сыпанула в него горсточку собранных днем листьев смородины, малины, барбариса и занялась ужином. Отгребла в сторону угли и разложила на горячих камнях пода ломти рыбы, шкурой вниз, чуть присолила и поспешила снять чай, пока не появился запах пареного веника. И едва поставила котелок на прибитые к широченному чурбаку плашки, изображающие стол, как в узкую дверцу протиснулась мокрая мохнатая

морда с полусъеденной рыбиной в зубах.

— А ты не мог найти себе на сегодня другое укрытие? — сам сорвался с губ безнадежный вопрос, на который, как я уже поняла, ответа у полуурга не было.

Пришлось забирать у него добычу и отступать к самой лежанке, пока он протискивался внутрь, отряхивался и устраивался у порога, заняв почти половину помещения. «Нет, решено, — вздыхала я, ужиная под внимательно-укоризненным взглядом зеленых глаз, — больше никаких шалашей, завтра постараюсь найти дерево пораскидистее».

Однако судьбе почему-то не понравились мои планы, и никуда наутро мы не пошли. Просто не смогли. Дождь лил не переставая, и, выйдя прогуляться, я вмиг вымокла почти до нижнего белья. Пришлось развести огонь и развесить одежду и сапожки сушиться над печуркой. Сама я тем временем сидела на лежанке и осторожно очищала щепкой найденную вчера шкатулку, пытаясь заставить интуицию подсказать, нужно мне ее открывать или лучше оставить в покое.

И я уже склонилась к благоразумному решению не испытывать судьбу, как она снова посмеялась надо мной и моими предосторожностями. Стоило мне чуть сильнее надавить, вычищая золу из трещинки, и верхняя часть вдруг подалась, легко откинувшись в сторону. От неожиданности я не столько испугалась, сколько растерялась, и на несколько секунд замерла, боясь пошевелиться и готовясь отшвырнуть находку и бежать куда подальше.

Однако время шло, но ничего не происходило. Молчала и интуиция, и постепенно я успокоилась и принялась изучать содержимое шкатулки. Хотя почти сразу рассмотрела выложенное чешуйками слюды нутро, только теперь осознав, как заботливо защитил от жара свое сокровище неизвестный строитель хижины.

Слюду я снимала понемногу, затаив дыхание и одновременно сердито ругая себя за глупое любопытство. И точно зная, что до конца жизни буду себя корить, если так и не посмотрю, ради чего хозяин шкатулки прятал ее с таким старанием. Ведь простые и дешевые вещи не упаковывают так бережно и не хранят с такими предосторожностями. Хотя был момент, когда я почти готова была отступить от изучения таинственного предмета, ощутив сквозь слюду под пальцами нечто твердое и вместе с тем гибкое, но уже в следующий миг слетели последние чешуйки, и на стол выскользнула простенькая цепочка-браслет.

По крайней мере, так мне показалось в первый момент, но я тут же рассмотрела ее подробнее и осознала свою ошибку. Это были четки, точно такие, с какими сидят у ворот храмов калеки и какие любят перебирать благочестивые старцы различных пустошей и монастырей. Лишь одним они отличались от всех прочих — размером. Каждая косточка, выточенная из неизвестного мне серо-зеленого камня, была размером с пшеничное зернышко, а для того, чтобы разобрать выбитые на них знаки, нужно было купить алхимическое стекло.

Я рассматривала их с недоумением и смутной тревогой, не понимая, почему хозяин спрятал такой крохотный и невзрачный предмет с такой тщательностью, и все отчетливее понимала, что уже не смогу положить браслет назад в печь и засыпать золой. Ведь неизвестно, куда делся его прежний хозяин. Если его убили и бросили в озеро, то он больше никогда сюда не вернется, и крохотные четки так навсегда и останутся в этой заброшенной избушке, куда даже я никогда не найду дорогу во второй раз. Изучать и запоминать холмы, озерца и рощи, мимо которых вчера промчалась, у меня не было ни сил, ни желания, да и весьма однообразны они в этом краю тысячи озер.

До самого вечера я носила четки в верхнем кармане куртки и упорно размышляла над

непростой задачей, а когда разожгла печь, чтобы пожарить принесенную промокшим Кышем рыбу, окончательно решила взять неожиданную находку с собой. Оставалось только придумать, как ее спрятать. Необычайный ларчик был невелик, но рискнуть носить его в одном из карманов или в поясе вместе с деньгами я никак не могла. Откуда-то родившаяся уверенность в особой ценности редкой вещицы все крепла, по мере того как я ее изучала, хотя мне с первого момента было понятно, что в этот раз судьба подбросила загадку не из обыденных.

Устроившись спать, я долго вертелась на неудобном, жестком ложе и куда только не пристраивала мысленно свою находку, пока не уснула. А утром, убедившись, что дождь так и не прекратился, снова устроилась за столом, вертя в руках четки и думая только о том, где их не смогут найти воры, отобрать грабители и не потеряю я сама. Задумки возникали и исчезали, не выдержав доводов разума, карманы и потайные местечки в походной одежде внимательно рассматривались и отвергались, а надежное укрытие так и не находилось.

В очередной раз отбросив куртку, которой, как я осознала, можно лишиться чуть ли не десятком способов, я решила на время забыть про четки и взяла со стола расческу. Во время службы у Луизьены мне пришлось постоянно красить и подвивать волосы, поэтому они всегда были суховаты, и три месяца назад, вернувшись к родному имени, я безжалостно отрезала по плечи эту неимоверно путающуюся гриву. Расчесывая волосы и заплетая на висках в две косицы, которые позже собирала на затылке вязаным шнурком, я по-прежнему пыталась решить трудную задачу, мысленно прикладывая четки ко всем своим вещам.

А когда взяла в руки шнурок, вдруг поняла, что решение все время было рядом. Расческа в тот же миг была отложена в сторону, а из тюка появилась шкатулка с теми немногими драгоценностями, которые у меня остались. Все серьги, ожерелья и броши, в которых ходила по салону и в столице Эвелина Бенро, пришлось продать, ни одна заметная вещица не должна была связывать леди Вельену Глоэн ле Морнье с салоном, за поимку предыдущей хозяйки которого один из самых знатных и могущественных лордов империи пообещал весьма заманчивое вознаграждение. Тайно, разумеется.

В моем ларце для рукоделия, с помощью которого я намеревалась коротать одинокие вечера в замке Глоэн, нашлись и вязальный крючок, и иголка с нитками, а также мешочек с бисером и мелкими бусинками. И уже к обеду на моей левой руке красовался вязаный браслет, расшитый бисером, бусинками и мелким дешевым жемчугом. Примерно такие продавали знахарки и травницы, пропитывая заговоренными снадобьями и зачаровывая против простуды и легких пищевых отравлений.

Весь вечер, занимаясь неотложными делами, я поглядывала на обновку и потихоньку радовалась собственной сообразительности. Шкатулке и слюде тоже нашла место. Золотистые чешуйки сложила в пустую пудреницу: многие дамы, собираясь на бал и желая покорить кавалеров таинственным блеском, добавляют в тени и помаду измельченный перламутр или слюду. А в шкатулку, хорошенько оттерев ее золой, ссыпала стручки с крохотными семенами душистой северной ванили. Продавец клялся, что она будет отлично расти в этих местах, особенно в оранжерее. И хотя оранжереи у меня пока не было, зато была мечта, и потому я запаслась семенами самых любимых растений.

Утром, распахнув дверцу, я рассмотрела густой туман, пыльным облаком закрывший мое временное пристанище. Зато дождь уже прекратился, поэтому огорчаться я не стала, выпустила Кыша гулять и принялась упаковывать вещи и готовить завтрак.

Примерно через час, когда туман рассеялся, я уже была готова продолжать путь. Оседлала Кыша, привязала к седлу мешки, закрыла и привалила камушком дверь. Может быть, однажды эта хижина выручит еще какого-нибудь беглеца. Наконец влезла в седло и легонько хлопнула друга по шее:

— Но, Кыш!

Однако полуург почему-то не ринулся вперед, а, наоборот, чуть отступил и свирепо зарычал. Я потянулась к оружию и вдруг рассмотрела две темные мужские фигуры, словно собравшиеся из тумана.

— Не поднимайте оружие, леди Глоэн, если не желаете зла своему коню, — строго и сухо объявил один из незнакомцев, и я с ужасом узнала голос рыбака.

Но руку от чехла все же убрала — два гномьих арбалета, поблескивавшие остриями стальных болтов, нацеленных в грудь Кышу, оказались убедительнее любых аргументов.

— Правильный выбор, — холодно усмехнулся рыбак. — Постарайтесь и дальше так же поступать. И помните: мы вас везде найдем, если вздумаете о нас болтать.

— Лучше бы ей зелья налить для надежности, — мрачно буркнул второй бандит, и я сразу узнала этот голос.

Потому только крепче сжала губы и кротко опустила взгляд. Какие бы деяния ни приписывала молва маркизу Кэрдону Сангирту, но в тайном убийстве врагов он никогда не был замечен.

Хотя я ему не враг — просто случайно влезшая в чужие тайны дурочка, как начинаю понимать все отчетливее.

— За неудобства мы оставим вам насос и кое-какие вещи, — не дождавшись от меня ни слова, сухо сообщил Танрод Хаглен, и в его голосе мне почудилась усталость и как будто разочарование.

Однако я снова промолчала: спорить с ними сейчас вовсе не в моих интересах. Хотя и верить словам этих знатных сообщников довольно безрассудно. Вряд ли они намерены отвести меня именно в Глоэн, а если даже и так, то наверняка вначале возьмут клятву в полном повиновении. Ведь ни один свободный человек не будет покорно ехать с похитителями целых два или три дня, даже не попытавшись сбежать.

— Тогда прощайте, леди Глоэн, — бесполезно прождав долгую минуту, уже с откровенной досадой выдохнул рыбак, опустил прямо на мокрую траву арбалет и сделал руками стремительный широкий жест, словно бросая на нас веревочную петлю.

Я вмиг пригнулась, прижалась крепче к Кышу, обнимая его за шею, и крепко зажмурила глаза, предпочитая не видеть перед смертью ни встающего за дальними деревьями солнца, ни тонущих в темной воде озера клочьев тумана.

Не знаю, сколько я так сидела, время словно остановилось, а потом вдруг почувствовала, как Кыш куда-то двинулся, и поторопилась распахнуть глаза. И мгновенно онемела от изумления — передо мной высилось уже узнаваемое крыльцо светло-серого каменного дома, а вокруг поднималась полуразрушенная ограда замка Глоэн.

— Подожди, Кыш, — остановила я попытавшегося влезть на ступеньки зверя и направила его в сторону заднего крыльца, верить на слово таким мужчинам, как эти «рыбаки», меня навсегда отучила Луизьена.

Черный вход я изучала так долго, что Кыш заскучал, начал вертеться, принявшись к чахлой траве, и мне пришлось с него слезть. Но и после этого я не сразу решилась ступить на крыльцо, чудесным образом лишившееся всех доказательств недавнего обитания толпы бандитов. Не было ни весел, ни сетей, ни рыбного запаха, ни каких-либо иных примет. Даже пыль, появившаяся на каменных ступенях, выглядела так, словно лежит тут уже не менее полугода, а то и дольше, а плотно закрытые ставни на окнах, недавно сиявших чистыми стеклами, теперь ржавой завесой закрывал разросшийся плющ.

Наконец я решилась. Прошагала по ступеням, подергала ручку и, тяжело вздохнув, отступила. Судя по всему, черную дверь заперли изнутри, а ключа от нее у меня не было.

И пока шла к парадному крыльцу, успела отчетливо осознать, как неправильно все обнаруженное мной здесь. Не было, на мой взгляд, у незваных квартирантов никакого веского повода так поступать, вот ни малейшего.

Лорд Танрод Хаглен оказался магом, и не каким-нибудь рядовым, а магистром. Только им доступно искусство мгновенного переноса людей и предметов, и стоили такие услуги баснословно дорого.

Хотя находилось достаточно желающих платить любую цену, лишь бы не трястись по разбитым дорогам империи по несколько декад. Поэтому все маги высшего уровня были очень богаты и имели не только титулы, но и не по одному поместью.

И в таком случае абсолютно незачем было магистру ловить рыбу именно в моем озере. Но даже если допустить, что у Хаглена имелось какое-то секретное дело, требовавшее его присутствия, он вполне мог бы заставить меня выпить зелье послушания. Имеются у них такие, хотя поить ими свободных жителей строго запрещено. Но ради Кыша я бы выпила зелье совершенно добровольно и любую бумагу подписала. Даже перед всеми богами поклялась бы чем угодно и на чем угодно.

И сидела бы после этого зелья в своей комнатке тихо, как мышка, боясь даже нос высунуть, пока эта странная шайка не завершила бы свои темные делишки.

Но они предпочли вернуть меня в замок и уйти, тщательно заметая за собой все следы. И теперь мне почему-то кажется очень важным как можно скорее понять, ради чего они все это проделали.

На парадном крыльце я не задержалась, сообразив по пути, как важно было «рыбакам», чтобы я сидела здесь живая и невредимая. Вот зачем — пока не знаю. Хотя бродят уже в голове смутные предположения, но для того чтобы они стали точными догадками, мне не хватало информации.

И взять ее совершенно негде: все мои бывшие, хорошие и не очень, знакомые стали абсолютно чужими людьми в тот самый миг, как на пол осыпался ворох белых кудряшек, а на

мою голову упали первые капли каштановой краски, возвращая волосам родной цвет.

Хотя, разумеется, я взяла с собой самую дешевую почтовую шкатулку, всего на три камня в месяц, но первый уже истратила, сообщив Луизьене о благополучном прибытии на место. И следующее письмо имею право послать лишь через шесть дней. Но все равно не стану ничего спрашивать у названной тетюшки, не тот мадам Луиза человек, чтобы сразу не понять, почему я вдруг заинтересовалась такими слухами.

Дверь распахнулась так же мягко, как несколько дней назад, и я точно так же пустила вперед Кыша. Он проскользнул в прихожую, обнюхал дверные ручки и перила лестницы, фыркнул и оглянулся, взглядом требуя, чтобы я сняла с него сбрую и багаж. Спорить не стала — раз зверь не чувствует ничего странного, значит, мои подозрения верны. «Рыбаки» и в самом деле покинули мои владения, и никого чужого тут теперь нет.

Сложив вещи возле лестницы, выпустила друга гулять, заперла за ним входную дверь и подошла к входу на черную половину. Засов был отодвинут и пылен, и у меня достало сообразительности не засмеяться над этим открыто. У мага вполне хватит сил и совести присматривать за мной, и если верить гуляющим по империи слухам, издевательств они не прощают. Я оглянулась на так и валявшуюся в углу шкуру, и при одном воспоминании о том, как укоризненно смотрел на меня лежавший на ней магистр, желание веселиться растаяло окончательно.

Пыль и запустение, властвовавшие в этой части дома, не удивили, хотя, на мой взгляд, маг немного перестарался. Ну не могла же я не натоптать тут за эти дни?

Или все же могла, если бы заболела, например?

Но скорее всего, Хаглен просто из вредности дунул каким-нибудь заклинанием, мстя мне за несговорчивость.

Заглянув в дворецкую и столовую, я с опаской побрела дальше. Все происходящее было непонятно и потому вызывало невольную тревогу.

Следующей по правой стороне коридора была узкая дверка, запертая на засов, и, немного посомневавшись, решила без Кыша ее не открывать. Судя по расположению, там лестница в подвал, а подвалы я недолюбливаю еще с тех пор, как Коранда запирала меня за малейшую провинность.

Очередная, довольно широкая дверь вела налево, и за ней нашлась кухня. И вот здесь обнаружили следы небрежной уборки и закопченный котел на широкой и еще теплой плите. В котле было жаркое, и судя по стоявшей на столе немытой миске, этим мясом уже кто-то завтракал.

А рядом с миской лежала большая початая коврига деревенского хлеба и стояла керамическая кружка, из которой торчала скрученная в трубку записка.

Несколько секунд я колебалась, потом вздохнула, взяла листок и осторожно развернула.

«Простите нас, леди Глоэн, за доставленные неудобства и волнения и знайте, никакого вреда вам никто причинять не собирался. Я тоже не убийца и пустыми обещаниями не бросаюсь. Ключ от ворот в ящике буфета, деньги там же. Но нас тут не было. И еще: к вам едет торговец, не позволяйте ему ночевать в замке. Род».

Дочитав записку, бросила ее на стол и хмуро усмехнулась. Какой вы мне «Род», ваша магическая светлость. И словно в ответ листок вспыхнул зеленоватым пламенем и через миг осыпался легким, невесомым пеплом.

К буфету шла неохотно, хотя иметь ключ от ворот мне все же полагалось. И я, кстати, спрашивала о нем у продавца, но он, помнится, соорудил очень скорбное лицо:

— Извините, леди Вельена, но дом заперт, а во дворе запирается нечего. Да и не от кого, там ближайшая деревушка на пять домов в полудне пути. Лорд Глоэн, построивший некогда замок, более всего ценил уединенность и покой.

Тогда меня устроило это объяснение, а вот теперь вдруг появились смутные подозрения, что стряпчий намного больший жулик, чем тогда представлялся. И далеко не так рьяно он нахваливал свой товар, как ему положено по должности.

Стоящий в углу массивный буфет был из тех редких вещей, которые, однажды заняв облюбованное местечко, прочно врастают в него всем своим неподъемным телом и больше за века существования дома не сдвигаются даже на волос. И ящики у него были такие же надежные, с коваными петлями и ручками и непременными ключами с замысловатыми головками.

Но меня почему-то сразу потянуло к среднему, более узкому ящичку, и интуиция не обманула. Ключи были именно там, и не только от ворот. Целая связка больших и малых, мне даже интересно стало, найдется ли в этом доме столько замков? Но я тут же о них забыла, рассмотрев парочку увесистых мешочков из плотного полотна, в каких обычно выдает золото гномий банк. Душу неприятно кольнуло все крепнущее подозрение, что меня снова собираются купить со всеми потрохами, причем втемную, не удосуживаясь объяснить, какие услуги я должна буду магу за такое щедрое подношение.

Ведь даже полному дураку понятно, как сильно переоценил мое беспокойство лорд Танрод Хаглен. И более обеспеченные и знатные особы, чем я, целую декаду с удовольствием гуляли бы по озерам за пятую часть этого вознаграждения.

Очень неохотно распустила шнурок на первом кошеле и тяжело вздохнула, разглядев рыжеватый блеск монет. Да за эти деньги можно нанять слуг и отремонтировать донжон, в котором, по словам посредника, первый хозяин разместил лабораторию, а один из его наследников — тренировочный зал. А вот мне всегда хотелось иметь оранжерею, хоть небольшую, такую, какая была в родительском доме.

Воспоминание о доме, где прошли самые счастливые и самые горькие пятнадцать лет моей жизни, испортило настроение окончательно, и я резко задвинула ящик, взяв из него только связку ключей. Позже придумаю, куда спрятать неожиданно свалившееся богатство, сейчас мне не до него.

Следующая за кухней комнатка оказалась довольно удобной купальней, и бак для воды, вмазанный в выходящий сюда обогреватель печи, приятно согрел ладони. Решено, как только осмотрю дом, первым делом пойду купаться, все равно идти мне уже никуда не нужно. Да и нет никакого желания, если не кривить душой.

Именно этого мне хотелось последние полгода, а если разобраться, то и все десять лет с тех пор, как дядя Енгор, вызвав меня к себе, сухо сообщил, что моей руки попросил барон Прилерс. И хотя дядя выговорил у жениха три дня на размышления, но отказывать ему не намерен, так как считает барона очень достойной для меня партией. Я только молча поклонилась и покорно побрела в свою комнату, хотя никакого права решать мою судьбу дядюшка не имел. Но завещание, где я называлась единственной наследницей отца, куда-то исчезло сразу после его гибели. И когда через три месяца после похорон моя мачеха Коранда вышла замуж за моего же двоюродного дядю, именно он стал считаться полновластным хозяином дома и имения.

Поэтому рано утром следующего дня, когда весь дом еще спал, я нацепила на себя три самых лучших своих платья, прихватила скромные сбережения и украшения и удрала через

крыши хозяйственных построек, где иногда пряталась, чтобы выплакаться без свидетелей. И где давно уже изучила каждый уголок и нашла неприметные лазейки. В тот день я еще верила, что сумею добиться справедливости, если правильно возьмусь за дело, и именно это соображение привело меня за советом в «Женские тайны».

— Разумеется, ты можешь подать прошение, — с сочувственной усмешкой пояснила Луизьена спустя год после того, как я стала Эвелиной Бенро, — и дознаватели начнут расследование. Но тебя немедленно отправят к дядюшке, так как по закону ты еще несовершеннолетняя и до двадцати двух лет не имеешь права распоряжаться ни имуществом, ни своей судьбой. Я уже не говорю о том, как покарают за обман меня и какое наказание ждет Мелисанту, но и тебе самой хватит оскорблений и издевательств по самую макушку. Боюсь, уже дня через три ты проснешься в одной постели с ненавистным тебе бароном и будешь вынуждена нацепить свадебное платье и сказать «да» в храме Судеб.

Тогда я ей просто поверила, а позже, выслушивая истории и жалобы клиенток, отчетливо осознала правоту приобретенной тетушки. Девушки, как знатные, так и простолюдинки, не имели почти никакой свободы выбора. Отцы, деды, дядья и братья старались пристроить их как можно скорее, и как я начала понимать к двадцати годам, вовсе не ради счастья дочерей и сестер. Основным, хотя и завуалированным поводом для такого рвения всегда становилась жадность, ведь за «старых дев» такие же прижимистые женихи просили гораздо большее приданое. А если вспомнить, что девушку придется кормить, одевать и развлекать лишних пять-семь лет, то вполне понятно стремление пристроить ее сразу после пятнадцатилетия, когда девицам разрешено вступать в священный союз.

Купальня оказалась последним помещением перед сенцами черного входа, дальше коридор делился на две лестнки. Одна вела вниз, другая вверх, и это значило, что потолки в комнатах для прислуги вдвое ниже, чем в гостиной и столовой. Ради интереса я сделала несколько шагов и приоткрыла первую дверь. Очень узенькую, скудно обставленную комнатку вполне можно назвать кельей для монашек, это ее ничуть не оскорбило бы.

В конце лестнки, ведущей вниз, нашлись две такие комнатки, причем оконца в них были прорезаны под самым потолком. В верхней части комнатки были чуть шире. Их было три; одна, как я поняла, расположена над купальней и сенцами. Несколько минут я стояла, рассматривая неказистые деревянные кровати с набитыми сухой травой тюфяками, узкие оконца и сундуки для вещей, стоящие возле крохотных тумбочек и служащие сиденьем, и начала краснеть, как застигнутая за облизыванием ложки горничная.

Лишь теперь до меня дошло, как тесно и неудобно ютились здесь семь или восемь привыкших к удобству «рыбаков» и как досадовали они на мое упорное нежелание сдать им несколько просторных спален. Но тем не менее расплатились очень щедро, и значит, для них очень важно сохранить свою «рыбалку» в тайне от всех. В таком случае я должна завязать сто узелков на воображаемом платочке, куда спрячу все воспоминания о произошедших за последние три дня событиях.

Иначе не спасет нас с Кышем ни удаленность этого места, ни умение бросать дротик. А кстати, где у меня Кыш?

Вылетев из спальни для прислуги, я промчалась в сени, распахнула дверь и выскочила на крыльцо. Утреннее, промытое вчерашним дождем солнце щедро заливало двор теплыми лучами, травка, не примятая ни одним сапогом, бодро зеленела, а у одного из неопознанных мной хозяйственных строений Кыш увлеченно поедал из широкой бадьи что-то явно привлекательное для него.

Не помня себя от отчаяния, я ринулась туда и, срывая горло, грозным криком отогнала питомца от дармовой еды. А потом несколько секунд ошеломленно рассматривала кучку сваленных в бадью продуктов. Ломтей черствого хлеба и подсохших недоеденных кусков копченостей, вялых овощей, мелкой сырой рыбы и той самой нелюбимой мной утренней каши. И все отчетливее осознавала, как сильно ошибалась, думая, будто магистр отыскал меня по следам. На самом деле поймать нас с Кышем и вернуть сюда он мог еще два или даже три дня назад, раз находил меня мгновенно по каким-то одному ему известным приметам.

Но не стал, и теперь я понимаю почему. Сначала ему нужно было подыскать место для своих друзей, потом навести порядок в моем доме. И лишь сегодня утром, едва закончив все дела, лорд Хаглен ринулся спасать меня. От холода, от голода... ведь знать об умении Кыша охотиться и рыбачить он никак не мог.

— У! — с обидой тихонько муркнул зверь, оттесняя меня от бадьи, но я и сама уже отступила, осознав, как это было бы неправильно — сначала спасти нас, а потом отравить.

Если бы он хотел нас убить, то вполне мог бы перенести не сюда, а севернее, в непроходимые болота, полные неистребленной нечисти. Или вообще не догонять, ведь я вполне могла встретиться со стаей волков или забрести в болото.

Мне вдруг отчетливо вспомнилось светившееся во взгляде магистра разочарование, и душу опалило запоздалой досадой. Случаются иногда у меня такие промашки, не сразу понимаю, чего именно желает слишком осмотрительный собеседник. Лишь много позднее, когда спокойно обдумая встревожившие меня взгляды или слова, вижу отчетливо, какого ответа от меня ожидали.

Вот и теперь точно знаю: Хаглен еще надеялся, что сумеет со мной поговорить. Наверняка ждал моих упреков или просьб, не важно, чего именно. Лишь бы у него была возможность, не опускаясь до оправданий, объяснить мне всю глубину моего заблуждения.

И это самая распространенная человеческая ошибка, по определению Луизьены.

«Если бы люди могли спокойно существовать, никому не объясняя своих обид и желаний, — всегда огорченно вздыхала тетушка, доказывая очередной упрямой клиентке ее неправоту, — то так и остались бы немymi, как рыбы. А поскольку все мы говорим — следовательно, без этого человечеству просто не выжить. И хотя молчуны еще встречаются, но жизнь у них стократ сложнее, чем у тех, кто умеет договариваться».

— Как ты была права, тетушка! — сердито вздыхала я, направляясь к дому. — Жаль только, некоторые под маковку набитые тайнами магистры до сих пор не знают таких простых вещей.

Следующие три дня я жила так, как мечтала, покупая Глоэн. Вставала с постели, когда солнце уже успевало прогреть воздух и камни крылечка, неспешно умывалась и завтракала

чаем и горячими лепешками. Как выяснилось, незваные квартиранты оставили солидный запас продуктов. В основном муки, жира, круп, сыра и копченостей, и я невольно виновато хмурилась всякий раз, когда отрезала ломтик окорока или зачерпывала из ларя миску муки. Хотя чаще я просто жарила рыбу, Кыш каждый день притаскивал на крыльцо полусъеденные тушки огромных карпов и сегов. Все, что нами не съедалось, я солила и вешала сушить. Хоть зимы тут теплые и короткие, но запас никогда и никому еще не помешал.

Потом я понемногу наводила в доме порядок и снова поминала мага, теперь уже недобрым словом. Незачем было так щедро прикрывать следы своего пребывания пылью. После уборки я ходила на озеро купаться, извилистая тропка вела через запущенный сад к небольшой калитке, выходящей на незаметную от насыпи крохотную пристань.

На берегу возле бревенчатого настила валялась рассохшаяся лодка и стояла покосившаяся купальня, заходить в которую не было никакой нужды. С причала ступени вели в прозрачную воду, сквозь которую просвечивало желтое песчаное дно, и я подозревала, что это единственное место на острове, где магистр не стал возвращать былое запустение. Кроме, разумеется, той самой дыры, через которую мы убегали. Сейчас она была завалена камнями, валявшимися ранее под стеной, и вряд ли кто-то решился бы перелезть во двор в этом месте.

На четвертый день меня разбудило рычание Кыша, по-прежнему спавшего в прихожей. Почему-то ни одно из запущенных строений, протянувшихся вдоль северной стены, не понравилось моему другу.

Я вскочила с постели, ринулась к приоткрытому окну и, встав за занавеской, оглядела ведущую к воротам насыпь. Всадник, едущий по ней в сторону Глоэна, был отлично виден в свете встающего за его спиной солнца. За всадником следовала запряженная парой лошадей повозка, и это стало для меня огромной неожиданностью. До этого момента я почему-то считала, что купцы разъезжают по деревням в одиночку.

Только теперь мне стало ясно, почему Танрод Хаглен счел нужным написать о необходимости держать торговца подальше от дома. Я искренне порадовалась тому, что не отмахнулась от этого намека и приняла все меры предосторожности. Надежно спрятала деньги и документы, приготовила для себя пути отступления и оружие. И каждый вечер, усаживаясь в кресло у распахнутого окна насладиться заслуженной чашкой чая, подолгу обдумывала способы, какими можно без особых усилий последовать простому на первый взгляд совету магистра.

Ведь торговец вполне мог приехать на закате или в дождь. А мог и заявить, будто ранен шалым медведем или вепрем. Как отказать человеку в таком случае?

Мне повезло, что времени было вполне достаточно, как и почерпнутого у Луизьены опыта общения со слишком назойливыми клиентами, чтобы постепенно изобрести несложный, но действенный способ нарушения святого закона гостеприимства.

Все необходимое было приготовлено мной еще вчера, поэтому много времени сборы не заняли. Я просто нанесла вокруг глаз чуточку зеленоватых теней, размазала по лицу и шее пару капель жирных румян и бросила на щеки по щепотке толченого кармина. А в завершение, стряхнув пуховкой излишки, обвязала голову платком, пониже надвинув его на лоб. Именно так выглядят люди, подхватившие болотную краснуху.

Болезнь эта не смертельная, зато очень прилипчивая и даже здорового мужчину может уложить в постель не менее чем на полторы декады. А кроме того, против нее бессильны любые зелья и не защищают от заражения ни дешевые обереги, ни защитные амулеты, какие

обычно имеются у богатых путешественников. Только магистры умеют выжигать заразу заклинаниями, но берут за это очень недешево, как за все свои услуги. Впрочем, вряд ли торговец возит с собой какого-нибудь магистра. Не так много их в империи, мне и в Тагервелле приходилось сталкиваться с магами лишь несколько раз.

Но прежде чем идти встречать торговца, я все же предприняла еще кое-какие меры и выпустила Кыша, запретив ему рычать. Нечего пугать людей раньше времени, хотя, вполне возможно, пугать и вовсе не придется.

Всадник продрался сквозь заросли сорняков по протоптанной Кышем тропке прежде, чем я дошла до ворот, и уже стучал в них подвешенным на этот случай деревянным молотком.

— Кто такой? — хриплым, умирающим голосом осведомилась я, взобравшись по лесенке на высокое крылечко привратной будки и выглянув в зарешеченное оконце.

— Торговец Мелох, открывай, — буркнул он, одарив меня небрежным взглядом. — Твоя хозяйка товары заказала.

Значит, трактирщик поверил, будто слуги отправились сюда раньше меня, усмехнулась я про себя, а вслух сердито огрызнулась:

— Лежит пластом моя хозяйка! Проклятый обозник набрал разного сброда. Жди, сейчас отворю.

— С чего это она лежит? — глянул он, едко прищурясь. — С голоду?

— Не смешно, — возясь с ключом, сухо оборвала я неуместные шутки. — Тут с голоду только ленивый сляжет. Ну, заезжай да вези товары, я сама расплачусь.

— Не тревожься, задарма не оставлю, — грубо пошутил торговец, не нравившийся мне все сильнее.

Не так, по моему представлению, должны вести себя люди, которым нужно завоевать симпатию постоянных клиентов.

Но пока я решила смолчать и посмотреть, до какого предела может дойти его наглость. Не самое умное дело спорить с единственным согласившимся приехать сюда торговцем, хотя сейчас мне вполне хватает продуктов и всяких мелочей. Но если я с ним рассорюсь, то через пару-тройку лун, как раз к тому времени, как пойдут осенние дожди, мне придется самой ехать за необходимым. Или посылать слуг, если Луизьена к тому времени подыщет мне подходящих. Брать сюда тех, кого предлагал посредник, я никогда бы не решилась.

Мелох проехал до колодца и только там спрыгнул с коня, небрежно привязав его возле лохани с водой. Потом внимательно огляделся и направился напрямик к крыльцу.

Хорошо, что я догадалась запереть дверь на замок.

Взбежав на ступени и подергав засов, он ничуть не разочарованно повернул назад и теперь приближался ко мне уверенной походкой победителя.

В это время в воротах показался крепкий мужичок в надвинутой на лоб войлочной шляпе, какие многие возчики не снимая носят круглый год. Он вел лошадок, с трудом тащивших через заросли кустов и лопухов крытую повозку, и время от времени отмахивался свободной рукой от вившихся вокруг его потной рожи мошек.

Возле ступеней будки, где я так и стояла, этот кучер даже не подумал останавливаться — пошагал дальше, твердо стуча каблуками подкованных сапог.

Вздыхнув, я двинулась следом, начиная понимать, как глупо снова влипла. Никогда не были эти гости торговцами, и товаров у них не было. Не ходят конюхи в подбитых железом сапогах, да и повозка, попав на камни двора, покатилась слишком легко, погромыхая

какой-то пустой посудой. Значит, нам с Кышем опять предстоит бой, не зря я предприняла на этот случай особые меры. Надеюсь, с одним жуликом справлюсь, а если повезет, то и с двумя. Ну а если в повозке скрываются еще пособники, то и Кышу достанутся живые игрушки, и я не виновата, если они потом недосчитаются пальцев или ушей.

Я брела следом за конюхом, беззаботно помахивая руками и стараясь держаться поближе к лошади. Самое секретное оружие из всех, какие Леброт принес после памятного нападения, было уже на мне и грело душу своей надежностью и незаметностью.

— Женщинам не стоит таскать с собой длинных и тяжелых ножей, — наставительно сообщил мне тогда учитель, доставая маленький пенал. — Все равно ничем они вам не помогут. Мужчины сильнее, выше, и руки у них длиннее. И тебе нужно будет очень изловчиться, чтобы не только подобраться к негодяю вплотную, но и поразить его с первого удара. Иначе он из тебя бантиков нарежет твоим же собственным ножом. А вот это другое дело, все женщины царапаются, и никто на эти царапины внимания не обращает. Но надежнее все же, если все остальные ногти на твоих руках будут коротко острижены, тогда никто не заподозрит подвоха.

И распахнул коробочку, в которой лежало два мизинца, так мне показалось в тот миг. На самом деле это были длинные кожаные наперстки, заканчивающиеся острыми как бритвы коготками. К ним прилагался флакон с сильным парализующим зельем, и я уже успела убедиться в его надежности. Но пользоваться тайным оружием старалась только в самых крайних случаях, опасаясь попасться императорским дознавателям. Подобные зелья были настрого запрещены.

— Ну и долго ты будешь плестись?! — вынырнув из-за лошади, встал на моем пути назвавшийся торговцем мужчина. — Мы выехали за полночь, устали и хотим умыться и перекусить.

— Но хозяйка... — дала я ему последний шанс отступить, однако Мелох его не оценил:

— Кому другому будешь рассказывать эти сказки, а мне тебя хорошо описали. И особо сообщили, что на знатную госпожу ты похожа, как я на белошвейку.

— Но в дом ты все равно не попадешь, — не желая больше лгать и изворачиваться, сухо отрезала я.

Лжеторговец тут же оказался рядом, ловко перехватил запястье моей правой руки, вскинутой ему навстречу, и крепко притиснул меня к себе:

— Зря ты мазалась этой гадостью, куколка, я уже болел краснухой. И отлично знаю, как она выглядит. Но не волнуйся, сначала я тебя выкупаю.

— Ты знаешь, что бывает за нападение на знатных девушек? — осведомилась я так холодно, как сумела.

— Простого селянина или наемника могут и повесить, — уверенно сообщил Мелох, — а знатному мужчине достаточно жениться и заплатить штраф. Но ты же не будешь так расточительно тратить деньги нашей семьи?

— Неужели ты знатный господин? Тогда почему до сих пор не женат? — изумилась я, отстраняя лицо от пахнущего вином и луком наглеца и пытаясь высвободить зажатую его телом вторую руку.

— Не сомневайся, не безроднее тебя, — нагло ощупывая мое бедро в поиске кармана, снова ухмыльнулся Мелох, и в этот миг я сумела наконец выдернуть левую руку и попыталась оцарапать щеку лжеторговца.

Но он снова оказался быстрее — вывернулся ужом, сильно дернул меня за плененную

руку и, когда я почти падала на него, цепко поймал и левое запястье.

— Кыш! — закричала я отчаянно, сообразив, как легко обернуть мое секретное оружие против меня самой, и в тот же миг, дико взыв, наглец отпустил мои руки, рухнул на колени и задергался, словно попал под град невидимых, но очень жестоких ударов.

Его то колотило о камни, то выгибалось дугой, а чуть поодаль Кыш яростно трепал обмякшего, как тряпка, конюха.

Но отозвать своего зверя мне уже не хватило сил. Из моего тела словно разом вытащили все кости, а ноги и спина вдруг стали вялыми, как из пуха. Упрямо закусив губу, я с трудом добрела до крыльца и неловко рухнула на каменные ступени.

— Что здесь происходит? — внезапно строго произнес кто-то знакомым голосом рыбака.

Оглянувшись, я рассмотрела выходящего из-за угла магистра и, сообразив наконец, с кем имею честь быть знакома, истерически хихикнула. И тотчас покрепче прикрыла ладонью рот.

Весьма невежливо и даже опасно смеяться над старшими императорскими дознавателями. А о том, что магистр имеет именно такое звание, красноречиво доложила висевшая на его груди звезда правосудия.

Покосившись на меня, Танрод Хаглен шагнул к замершим лошадкам, как-то особенно погрозил пальцем Кышу, и тот, перестав трепать кучера, ринулся ко мне. Несколько секунд магистр любовался на тихо скулившего лжеторговца, затем взмахом руки отправил куда-то подальше сначала его, затем и кучера. И уверенно пошагал к воротам с явным намерением их закрыть.

Собрав все последние силы, я медленно взобралась на крыльцо и, пошатываясь, побрела в сторону кухни. Нужно было умыться, спрятать когти и заодно выпить бодрящего зелья. Мечтать о том, чтобы магистр ушел, не пожелав задать мне несколько вопросов, было бы откровенной глупостью.

Когда я уже более уверенным шагом вернулась на крыльцо, дознаватель спокойно сидел на моем месте, подтверждая этим верность моих выводов.

— Зачем вы их впустили? — строго осведомился он, наблюдая за бредущими по направлению к колоде лошадьми.

— Я не забыла вашего предупреждения не оставлять торговца ночевать! — невольно сорвалась с моих губ еле сдерживаемая обида. — Но там ничего не было о том, что их нельзя и в ворота пускать!

— А догадаться вы не могли?

— Ну вот теперь в следующий раз догадаюсь, — хмуро пообещала я, посмотрела искоса на небритую щеку незваного гостя и осторожно предложила: — Завтракать будете?

— Я бы поспал, — вдруг признался он и суше добавил: — Могу и в каморке конюха.

— А у меня есть такая каморка? — всерьез изумилась я, глянула на поджавшего губы дознавателя и раздумала шутить. — Но я хотела предложить вам спальню на втором этаже, как раз вчера убрала в соседней с моей.

— Извините, — сразу оттаял он. — Тогда я пойду, перенос берет много сил.

Встал и прошел мимо меня в дом.

— Чаю принести? — спросила я вслед.

— Лучше к обеду, раньше не проснись, — ответил он уже с лестницы, и я, пожав плечами, направилась на кухню.

Хотелось перекусить и спокойно поразмыслить, что именно произошло с Мелохом. Ведь коснуться его когтем я так и не успела.

Магистр появился на пороге столовой далеко за полдень, когда я уже подумывала, не стоит ли сходить его разбудить. Несколько мгновений гость молча стоял на пороге, осматривая комнату, которую я привела в порядок первой. Не в такой, разумеется, как любила Луизьена. При ней комнатки второго, жилого этажа нашего сравнительно небольшого дома были заставлены диванчиками и креслами, кушетками и пуфиками, на которых уютно дремали кучки пледов, подушек и думочек. А еще она обожала до блеска натертые полы и неизменно белоснежные салфеточки на столах и поставцах.

Мне тоже нравились мягкие кресла, но, помимо них, я любила простор распахнутых окон, низкие столики с полными фруктов блюдами, книжные полки и большие вазы с цветами. Разумеется, ничего из всего этого у меня не было и в помине, кроме чисто промытого пола, свежей скатерти, единственной, которую я привезла, и букета набранных в саду розовых ирисов.

Пока дознаватель стоял, не решаясь или не желая шагнуть внутрь, я тоже успела его внимательно рассмотреть и с огорчением признать, что меня снова собираются обмануть. Вовсе не эта одежда была на нем в тот момент, когда он утром появился в моем дворе. Все, кому приходится работать с клиентами, постепенно приобретают привычку обращать внимание на то, как одет пришедший за советом человек. Затертые локти или слишком тщательно уложенные волосы могут многое сказать вдумчивому взгляду.

— Будете обедать? — осведомилась с вежливым холодком, не желая, чтобы магистр воспринял приглашение как мою готовность перейти к дружеским отношениям.

— Спасибо, — сухо вато поблагодарил он и прошел к столу.

Сам снял крышку с супницы, сам налил себе рыбного супа, сам нашел соль и перец, а потом и жареного сига.

Я спокойно наблюдала за его действиями и начинала понимать, что дознаватель тоже не желает, чтобы его считали в этом доме другом. Пожалуй, даже еще более, чем я. И это можно понять — многие готовы на все, лишь бы стать своими для людей, имеющих в империи силу и власть.

Но только не я. Мне давно стало ясно, как далека я от тех девушек, которые мечтают каждый день пачками получать приглашения на обеды, балы, пикники, катания и охоты. Слишком хорошо знаю изнанку этой праздной жизни по рассказам тех же самых девушек и дам, только уже досыта хлебнувших горечи подлых интриг.

— Вы странная женщина, леди Глоэн, — отодвигая пустую тарелку и вытирая губы зеленоватым платком, буркнул вдруг магистр и в упор глянул на меня серыми, как утренний туман, глазами.

— Девушка, — коротко поправила я, нарочно не пряча недовольную усмешку.

Меня давно уже не смущают подобные пробные выпады незнакомых мужчин и никаких надежд тоже не пробуждают. Просто человек желает сразу выяснить для себя, насколько свободно может рассуждать на довольно щекотливые темы.

— Извините. — Дознаватель снова смолк, задумчиво катая по столу раннее яблочко, найденное мной недавно в траве.

В ответ я лишь небрежно улыбнулась: мы не на званом приеме, чтобы сыпать притворными любезностями. Его сюда вообще никто не звал — как я успела убедиться, когда

немного успокоилась, в повозке больше никого не было. А с двумя подлецами мы с Кышем справились сами. Хотя и с помощью неизвестно откуда взявшейся защиты, но я ведь никого не просила ее на меня вешать? Мне просто нечем расплачиваться за подобную роскошь.

И хотя я не могу не догадываться о намерении лорда Танрода Хаглена вызвать меня на откровенный разговор, но облегчать ему задачу не собираюсь. Никогда не стоит забывать, с кем беседуешь и как тщательно учат дознавателей вытаскивать из людей самые сокровенные тайны.

— Тогда позвольте узнать, — так и не дождавшись ответа, недовольно осведомился магистр, — почему вы не наняли слуг?

— У меня было на это четыре веские причины, — спокойно сообщила я, ответ на этот вопрос был готов еще месяц назад.

— Да? — едко усмехнулся магистр, но я снова промолчала.

Если вам так интересно, ваша светлость, то задавайте вопросы.

— А как вы намерены зимовать здесь в одиночку? — помолчав, с излишней сердитостью уставился на меня Хаглен.

[Купить полную версию книги](#)